Проф. В. Забитневичъ.

Мѣсто

Алексѣя Степановича Хомякова

ВЪ ИСТОРІИ

Русскаго народнаго самосознанія.

Цѣна 25 коп.

Изданіе Харьковскаго Отдѣла
„РУССКАГО СОБРАНІЯ".

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., № 17
1904

Въ редакціи журнала Мирный Трудъ (Харьковъ, Дѣвичья, № 14-й) продаются слѣдующія изданія Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія.

Альбицкій В. И. проф. „Объ устройствѣ судоходства на Днѣпровскихъ порогахъ". Цѣна 20 коп съ пер. 25 к.

Бородкинъ М. М. Памяти В. Л. Величко (о ея поэзіи). Цѣна 20 к. съ пер. 25 к

Бородкинъ М. М. „О поэзіи Ѳ. И. Тютчева". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Буцинскій П. Н. проф „Предпріимчивость русскаго человѣка". Цѣна 20 коп. съ пер 25 коп.

Вицинскій В. П. „Санитарныя нужды нашей арміи на Маньчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій". Цѣна 25 к. съ пер. 30 к.

Завитневичъ В. З. проф „Мѣсто Алексѣя Степановича Хомякова въ исторіи русскаго самосознанія" Цѣна 25 коп. съ пер. 30 коп.

Праздникъ русскаго самосознанія (открытіе Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія). Цѣна 20 к. съ пер. 25 к

Савиновъ. „О замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими". Цѣна 20 к съ пер. 25 коп.

Стефанъ, епископъ Сумскій. „Памяти В. Л Величко" Цѣна 10 к. съ пер. 15 коп.

Страховъ. „Кантъ, какъ учитель нравственности". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Шаховской М. Л. князь. „Мелкая земская единица". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Выручка отъ продажи изданій Отдѣла жертвуется на военныя нужды.

Кромѣ вышеупомянутыхъ изданій Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія въ редакціи продается книжка: **Таубе М. Ф. баронъ.** „Всеславянское значеніе Руслана и Людмилы". Цѣна 20 коп. Чистый доходъ предназначается **на усиленіе русскаго флота.**

Проф. В. Завитневичъ.

Мѣсто

Алексѣя Степановича Хомякова

ВЪ ИСТОРІИ

Русскаго народнаго самосознанія.

Цѣна 25 коп.

Изданіе Харьковскаго Отдѣла
„РУССКАГО СОБРАНІЯ".

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія Петровскій пер., № 17
1904

6и

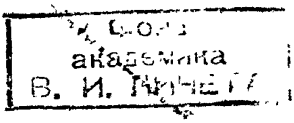
Пров. 1959

DK
188
.15

Отдѣльные оттиски изъ журнала „Мирный Трудъ“ за 1904 г. Книжка 4 я

1020
51

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
886
59

Мѣсто Алексѣя Степановича Хомякова

въ исторіи русскаго народнаго самосознанія.

Однимъ изъ могущественнѣйшихъ двигателей человѣческаго прогресса всегда служилъ, и по настоящее время служитъ, фактъ культурнаго взаимодѣйствія народовъ, одновременно или послѣдовательно выступавшихъ на аренѣ исторической жизни. Несомнѣнно, что всѣ позднѣйшіе исторически извѣстные народы, достигшіе въ своемъ культурномъ развитіи крупныхъ успѣховъ, развивались подъ воздѣйствіемъ образованности другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, Греки развивались подъ воздѣйствіемъ образованности древняго Востока, Римляне—подъ воздѣйствіемъ Грековъ, Западно-европейскіе народы—подъ воздѣйствіемъ образованности классическаго міра, мы—Русскіе—подъ воздѣйствіемъ сначала Византіи, а потомъ—Западной Европы и т. д. Правда, исторія знаетъ случаи систематическаго уклоненія народа отъ культурнаго общенія съ другими народами и упорнаго обереганія своей обособленности; но такая обособленность, какъ свидѣтельствуетъ историческая судьба Китая, давала въ итогѣ печальные результаты.

Степень плодотворности вліянія одного народа на другой зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ. Она обусловливается: широтою началъ, проникающихъ просвѣщеніе народа просвѣтителя, богатствомъ формъ, въ которыхъ проявляются эти начала, количественною и качественною сторонами дарованій народа просвѣщаемаго и т. д. Но главнымъ, кореннымъ условіемъ плодотворности вліянія одного народа на другой служитъ степень проявляемой послѣднимъ самодѣятельности и неразлучно связанной съ нимъ самобытности. Народъ, который, ставъ на путь заимствованія, убьетъ въ себѣ способность къ самодѣятельности, никогда не выйдетъ изъ состоянія слѣпого подражанія и, уморивъ въ себѣ самобытность творческихъ силъ, навсегда останется простымъ этнографическимъ мате-

ріаломъ, пригоднымъ лишь для насажденія началъ чужой культуры, чужого просвѣщенія. Такова обыкновенно судьба всѣхъ мелкихъ народностей, которыя на зарѣ своей исторической жизни подпадаютъ подъ вліяніе народовъ великихъ и культурно зрѣлыхъ. Подчиняясь закону ассимиляціи, онѣ утрачиваютъ свой языкъ, свои религіозныя вѣрованія, свои нравы, обычаи, словомъ все то, что характеризуетъ ихъ какъ отдѣльный культурно историческій типъ, и проходятъ въ исторіи почти незамѣтными, не внося ничего существенно новаго, оригинальнаго, въ общую сокровищницу человѣческаго просвѣщенія. Ничего подобнаго не можетъ быть съ народомъ великимъ, надѣленнымъ богатствомъ стихійныхъ силъ и предназначеннымъ для великой роли въ исторіи. Конечно, и великій народъ, встрѣтившись, особенно въ дни своей юности, съ народами культурно зрѣлыми, въ той или другой степени можетъ на время подпасть ихъ вліянію; но это вліяніе никогда не дойдетъ до полнаго паралича его собственныхъ силъ и, рано или поздно, какъ бы проснувшись отъ временнаго усыпленія, временной подавленности своихъ творческихъ силъ, онъ вступитъ на путь свободнаго, самобытнаго развитія. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна исторія Русскаго народа, въ историческомъ прошломъ котораго особенно выпукло выступаетъ слѣдующая характерная черта.

На всемъ пространствѣ нашей многовѣковой исторической жизни намъ почти всегда суждено было находиться подъ давленіемъ или чужой власти, или чужого авторитета. Наша исторія открывается извѣстіемъ о порабощеніи почти всѣхъ Русскихъ Славянъ иноземцами: однихъ—Варягами, другихъ—Хазарами. Первая организація нашей государственности происходитъ подъ сильнымъ воздѣйствіемъ тѣхъ же Варяговъ. Не успѣли мы освободиться изъ подъ опеки этихъ „нахидниковъ“, какъ тотчасъ же подпали подъ вліяніе другого болѣе сильнаго воздѣйствія, именно—культурнаго воздѣйствія Византіи, къ которому скоро присоединилось двухъ- съ половиною вѣковое порабощеніе Татарами. Слѣды вліянія Византіи и татарщины можно прослѣдить на всемъ до-Петровскомъ періодѣ нашей исторіи, когда византійское культурное вліяніе смѣнилось вліяніемъ западно-европейскимъ. Фактъ этотъ такъ разителенъ, что нѣкоторые изъ нашихъ мыслителей пришли даже къ предположенію о нашей полной неспособности къ самобытному развитію, хотя для освѣдомленнаго, трезвомыслящаго историка до очевидности ясно, что фактъ этотъ обусловливался, съ одной стороны, нашимъ сравнительно позднимъ

выступленіемъ на арену исторической жизни, съ другой стороны, тѣмъ, что исторія поставила насъ на стражѣ европейскаго Запада въ его борьбѣ съ азіатскимъ Востокомъ, борьбѣ, отъ которой мы не можемъ освободиться и по сей день. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, фактъ несомнѣненъ и онъ принесъ свои плоды. Старая Византія, въ эпоху принятія нами христіанства, была несомнѣнно единственною и въ этомъ смыслѣ лучшею носительницею остатковъ древней классической образованности и самою способною истолковательницею христіанства, по крайней мѣрѣ его теоретическихъ основъ. Вотъ почему, что бы кто ни говорилъ о Византіи, все же несомнѣнно то, что ея культурное воздѣйствіе многими своими сторонами имѣло на насъ благотворное вліяніе, хотя бы, напримѣръ, въ томъ смыслѣ, что оно внесло въ нашу жизнь новое содержаніе и этимъ, если можно такъ выразиться, расширило содержаніе нашего народнаго духа.

Но, подпавъ подъ вліяніе Византіи, наша юная Русь также подчинилась ея авторитету, какъ подчиняется ребенокъ авторитету своего стараго учителя, не умѣющаго или не желающаго возбуждать въ немъ духъ самодѣятельности, что особенно обнаружилось въ упадкѣ оригинальной литературы. Наша литература, давшая такой блестящій разцвѣтъ въ народномъ богатырскомъ эпосѣ, и даже проявившая было слѣды высокаго личнаго творчества, какъ это свидѣтельствуетъ *Слово о полку Игоревѣ*, вдругъ какъ бы остановилась въ своемъ развитіи и замерла. Она остановилась, очевидно, потому, что творческія силы народнаго духа были парализованы. Поэтическое творчество предполагаетъ свободное общеніе человѣческой души съ природой, на воздѣйствіе которой она шлетъ свой отвѣтъ. Теперь же между духовнымъ взоромъ русскаго человѣка и той природой, на лонѣ которой онъ выросъ, явилась извнѣ какъ бы посредствующая среда, своего рода цвѣтное стекло, которое и стало все окрашивать въ свой цвѣтъ, препятствуя свободному проявленію творческихъ силъ народнаго духа Чтобы понять истинный смыслъ этихъ словъ, нужно вспомнить, что *Слово о полку Игоревѣ*—этотъ отрывокъ изъ нашей Иліады—все проникнуто еще чисто языческимъ духомъ, т. е. духомъ своей собственной національной вѣры. Читая его, вы чувствуете, что иноземное вліяніе еще не вошло въ струю народнаго сознанія, не сковало его своими условными формами; здѣсь народный духъ еще свободно бьетъ живымъ ключомъ, чего уже не могло быть въ слѣдующую затѣмъ эпоху. Съ наступленіемъ въ концѣ XVII и началѣ

XVIII ст. Западно-европейскаго вліянія положеніе дѣлъ не измѣнилось: на мѣсто однихъ очковъ намъ подставлены были другія очки, чрезъ которыя верхній слой нашего общества и сталъ созерцать весь Божій міръ. Извѣстно, что XVIII вѣкъ былъ у насъ временемъ самаго грубаго, самаго рабскаго подражанія всему иноземному. Такимъ образомъ, выражаясь образно, на поверхности нашего народнаго организма образовалось нѣчто въ родѣ наносной коры, которая и сковывала его силы, не позволяя имъ свободно проявляться.

Какъ ни велико было, однако же, это давленіе, все же оно не проникало слишкомъ глубоко въ народную душу, на днѣ которой шла своя работа; тамъ кипѣли свои силы, мало по малу расплавлявшія своимъ жаромъ толщу находившейся на поверхности коры. Самое иноземное вліяніе, хотя оно и подавляло нашу самодѣятельность, но оно имѣло и то несомнѣнно благотворное вліяніе, что обогащало нашъ умъ новымъ знаніемъ, расширяло его кругозоръ, давало свѣжій матеріалъ для его работы и этимъ способствовало выработкѣ формъ для проявленія будущаго самобытнаго творчества. Первымъ предвѣстникомъ въ послѣ-реформенную эпоху нашего освобожденія отъ рабской подражательности былъ великій Ломоносовъ, положившій первый камень для созиданія у насъ зданія положительной науки. Но для болѣе полнаго пробужденія дремавшихъ народныхъ силъ нуженъ былъ какой нибудь болѣе сильный толчекъ. Этотъ толчекъ и послѣдовалъ. Когда Франція, служившая во вторую половину XVIII ст. главнымъ кумиромъ нашего поклоненія, скомпрометировала себя въ нашихъ глазахъ крайними сторонами своей революціи, наше безотчетное преклоненіе предъ всѣмъ иноземнымъ поколебалось; а наступившая затѣмъ отечественная война, до дна взволновавшая русское народное море, вызвала изъ его нѣдръ на поверхность такія силы, которыхъ раньше никто не подозрѣвалъ. Духъ патріотизма, охватившій русскую землю во время этой войны, реакція, наступившая въ самомъ правительствѣ, выдвинувшемъ принципъ народности, выроставшее вмѣстѣ съ усиленіемъ образованія сознаніе высокой важности изученія своего историческаго прошлаго,—всѣ эти и подобныя имъ причины произвели то, что русское общество съ особымъ интересомъ стало относиться къ своему историческому прошлому и выдвинуло цѣлый рядъ дѣятелей, трудившихся въ области исторіи, этнографіи, археологіи, языкознанія, широко раздвигая этимъ горизонтъ нашего народнаго самосознанія.—Одновременно съ этимъ слышатся нападки на нашу слѣпую подра-

жательность всему иноземному и выражается увѣренность, что пора русскому народному духу, освободившись отъ внѣшнихъ „насильственныхъ наростовъ“, обратиться внутрь себя и—какъ выразился извѣстный критикъ Надеждинъ—поискать въ „самомъ себѣ источника новой самобытной жизни“. Работая въ этомъ направленіи, наша мысль скоро дѣйствительно добралась до самобытныхъ основъ своего духа и, когда образовавшіеся на ея поверхности чужеземные наросты были счищены, русскій духъ въ безсмертныхъ произведеніяхъ Пушкина ударилъ чистымъ какъ алмазъ ключомъ. Теперь, казалось бы, нашему народному сознанію осталось лишь осмыслить совершившійся фактъ и возвести его въ принципъ жизни. Но выполнить эту задачу, какъ показала дѣйствительность, было гораздо труднѣе, чѣмъ это казалось на первый взглядъ.

Поставивъ нашу положительную науку и наше художество на путь самобытнаго творчества, Ломоносовъ и Пушкинъ сдѣлали великое дѣло; но если ихъ трудъ разсматривать съ точки зрѣнія оцѣнки его нашимъ обществомъ, то придется признать, что это былъ трудъ сравнительно легкій: ибо положительная наука легко подкупаетъ человѣческое сознаніе непосредственною очевидностью своихъ практическихъ результатовъ, а сила художественнаго творчества завоевываетъ симпатію неотразимою прелестью своей красоты. Вотъ почему заслуги Ломоносова и Пушкина у насъ сравнительно скоро были поняты и оцѣнены, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенный ими подвигъ легко нашелъ своихъ продолжателей.

Но въ подвигѣ этихъ двухъ великановъ нашего духа еще не все было сдѣлано для нашего полнаго духовнаго возрожденія. Чтобы дѣло, начатое Ломоносовымъ и такъ блестяще продолженное Пушкинымъ, довести до конца, нужно было сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ: нужно было поставить на путь самобытнаго развитія нашу мысль вообще, какъ руководящую силу духа. Это была задача огромной важности Чтобы справиться съ нею, необходимо было, во-первыхъ, высокое формальное развитіе ума; во вторыхъ, усвоеніе и широкая, всесторонняя критическая оцѣнка всего того, чего достигли другіе народы въ своемъ поступательномъ движеніи по пути прогресса; въ третьихъ, глубокое чувство народности, которое позволило бы уразумѣть специфическія особенности характера русскаго народа, какъ особаго культурно-историческаго типа, призваннаго внести свою лепту въ общую сокровищницу человѣческаго прогресса. Такую задачу могъ осилить только человѣкъ, который, всецѣло принадлежа своему народу серд-

цемъ, располагалъ бы универсальностью научнаго знанія и всеобъемлемостью философской мысли. Погрузившись, такъ сказать, сердцемъ въ глубины русскаго народнаго духа, прорѣзавъ могучею мыслью сгущенный на его поверхности туманъ слѣпой подражательности, онъ долженъ былъ подняться на такую высоту отвлеченія, съ которой, какъ съ высоты орлинаго полета, можно было бы охватить всю полноту человѣческаго знанія, знанія естественно-научнаго, историческаго, философски-богословскаго, и затѣмъ произвести критическую оцѣнку всего того, чего достигло человѣчество въ своемъ поступательномъ движеніи по пути прогресса. Только такой человѣкъ могъ вывести нашу мысль изъ состоянія рабской подражательности и поставить ее на путь свободнаго, широкаго, самобытнаго развитія. Такой человѣкъ и явился въ лицѣ Алексѣя Степановича Хомякова, съ которымъ, по мѣткому выраженію К. Н. Бестужева-Рюмина, „у насъ въ умственной сферѣ равны только Ломоносовъ и Пушкинъ“.

Хомяковъ родился въ Москвѣ 1 мая 1804 года. По отцу и по матери, урожденной Кирѣевской, онъ принадлежалъ къ старинному русскому роду, генеалогія котораго, насколько извѣстно, доходитъ до временъ Василія III. Слѣдя за успѣхами европейскаго просвѣщенія въ лицѣ отца, человѣка обширной начитанности, въ лицѣ матери семья Хомяковыхъ крѣпко держалась преданій родной старины, насколько они выражались въ жизни Церкви и бытѣ народа. Особенно сильное вліяніе на Алексѣя Степановича имѣла его мать, о которой признательный сынъ потомъ вспоминалъ „какъ о женщинѣ истинно и глубоко добродѣтельной“. ., у которой „сильно развиты были интересы серьезно-религіозные, политическіе и общественные“ и которой онъ обязанъ былъ „и своимъ направленіемъ и своею неуклонностью въ этомъ направленіи“.

Еще въ раннемъ возрастѣ Хомяковъ сталъ проявлять глубокое религіозное чувство, острый умъ и высокій подъемъ патріотизма. „Воспитанный въ религіозной семьѣ и въ особенности набожною матерью“, онъ, какъ самъ потомъ сознавался, очень рано пріученъ былъ участвовать „всѣмъ сердцемъ“ въ чудной молитвѣ церковной о соединеніи церквей и „почти ребенкомъ“ воспламенялся въ воображеніи своемъ „надеждою увидѣть весь міръ христіанскій соединеннымъ подъ однимъ знаменемъ истины“. Тогда же, подмѣтивъ въ случайно попавшей подъ руку папской буллѣ опечатку, онъ остритъ надъ своимъ учителемъ латинскаго языка, аббатомъ Боави-

номъ, спрашивая его, зачѣмъ-де онъ считаетъ папу непогрѣшимымъ, когда святой отецъ дѣлаетъ ошибки правописанія. Подъ вліяніемъ охватившаго Россію патріотическаго чувства, онъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ мечтаетъ драться съ Наполеономъ и, узнавъ къ великому огорченію о пораженіи послѣдняго при Ватерлоо, рѣшаетъ, что онъ „станетъ бунтовать славянъ“. Въ то же время онъ ужасно боится, какъ бы въ „языческомъ“ Петербургѣ, куда на время переѣхало семейство Хомяковыхъ, его не заставили перемѣнить вѣру, за которую собирается претерпѣть всѣ мученія. На 17 году жизни, подъ вліяніемъ сочувствія возставшимъ грекамъ, онъ пытается бѣжать изъ родительскаго дома съ цѣлью сражаться за свободу Греціи. Но потерпѣвъ неудачу, благодаря бдительности дядьки Артемія, изливаетъ свои филеллинскія чувства въ обширномъ стихотвореніи, въ которомъ, между прочимъ, восклицаетъ:

О если-бъ гласъ Царя призвалъ насъ въ грозный бой!
О если-бъ онъ велѣлъ, чтобъ Русскій мечъ стальной,
Спаситель слабыхъ царствъ, надежда, страхъ вселенной,
Отмстилъ за горести Эллады угнетенной!
Тогда бы грудью ставъ средь доблестныхъ бойцовъ,
За грековъ мщенье, честь и вѣру праотцовъ,
Я ожилъ бы еще разцвѣтшею душою...

Этотъ порывъ героизма нашелъ для себя исходъ только во время Русско-Турецкой войны 1828—1829 г.г. Поступивъ весною 1822 года на службу въ стоявшій въ Новоархангельскѣ Херсонской губерніи кирасирскій полкъ, чрезъ годъ Хомяковъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ. На службѣ онъ оставался недолго. Но когда манифестомъ отъ 14 апрѣля 1828 года Императоръ Николай Павловичъ призвалъ Русскій народъ поднять оружіе „въ оборону святыя православныя Церкви и любезнаго Отечества“, Хомяковъ двинулся на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ, въ Бѣлорусскомъ гусарскомъ полку, состоя адъютантомъ при князѣ Мадатовѣ, участвовалъ во многихъ дѣлахъ, въ которыхъ, наряду „съ холодною блестящею храбростью“, отличался и высокою человѣчностью. Такъ, въ одномъ изъ писемъ съ театра военныхъ дѣйствій, говоря о своемъ участіи въ лихой кавалерійской атакѣ, онъ замѣчаетъ: „хотя раза два замахнулся, но не рѣшился рубить бѣгущихъ, чему теперь очень радъ“. Послѣднія слова естественно напоминаютъ слѣдующую картину изъ одного его позднѣйшаго стихотворенія:

Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ
Съ дружиной твоей удалою,—

И врагъ побѣжденный упалъ подъ конемъ,
И плѣнный лежитъ предъ тобою.
Сойдешь-ли съ коня ты? Поднимешь ли мечъ?
Сорвешь ли безсильную голову съ плечъ?
Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани,
По градамъ и селамъ пожары простеръ;
Теперь онъ подъемлетъ молящія длани.
Убьешь-ли? О стыдъ и позоръ!

Поэтъ считаетъ стыдомъ и позоромъ убивать безсильнаго врага; но онъ вообще никогда не мирился съ примѣненіемъ грубыхъ насильственныхъ средствъ къ достиженію какихъ бы то ни было цѣлей. Такъ, въ спорѣ съ декабристами (Рылѣевымъ, кн. Одоевскимъ) онъ горячо доказывалъ незаконность насильственнаго политическаго переворота при посредствѣ войска; а позднѣе, въ стихотвореніи „Давидъ“, рисуя картину боя Давида съ Голіаѳомъ, онъ требуетъ, чтобы человѣкъ въ борьбѣ съ ложью не налагалъ „на правду Божью гнилую тягость латъ земныхъ“:

Доспѣхъ Саула—ей окова,
Ей царскій тягостенъ шеломъ:
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ.

Отъ природы Хомяковъ надѣленъ былъ способностями необыкновенными: феноменальная память, глубокій оригинальный философскій умъ, чутье художника, блестящая діалектическая способность, необыкновенная „способность скорочтенія“, позволявшая ему въ нѣсколько часовъ усваивать то, для усвоенія чего для другого человѣка потребовались бы недѣли,—все это присуще было ему въ такой степени, что вызывало изумленіе современниковъ. „Изумительное обиліе даровъ духовныхъ, говоритъ одинъ современникъ, было въ немъ до такой степени поразительно, что кто-то сказалъ про него, что ежели бы его разнять на четыре части, то каждая часть была бы доступнѣе и въ этомъ смыслѣ лучше цѣлаго“.

Начальное образованіе Хомяковъ получилъ дома, при посредствѣ преподавателей, между которыми были и профессора университета. Потомъ онъ поступилъ въ университетъ волонтеромъ и выдержалъ экзаменъ на кандидата математическихъ наукъ. При образованіи особенное вниманіе прежде всего обращено было на изученіе языковъ. Тремя новыми языками онъ овладѣлъ довольно рано, при чемъ по французски и англійски онъ говорилъ и писалъ свободно. Памятникомъ

его знакомства съ классическими языками сохранились переводы съ латинскаго Тацитовой „Германіи“, а также переводы изъ Горація и Виргилія Съ греческаго онъ перевелъ два посланія ап. Павла къ Галатамъ и Ефессеямъ. Далѣе, по свидѣтельству его ученика, извѣстнаго санскритолога К. А. Коссовича, „еще въ 30-хъ годахъ Хомяковъ читалъ и свободно изъяснялъ Ригъ-Веду, одну изъ труднѣйшихъ книгъ древнихъ индусовъ“. „Независимо отъ изученія санскритскаго языка и другихъ арійскихъ вѣтвей, свидѣтельствуетъ Гильфердингъ, онъ усвоилъ себѣ главныя основы языка еврейскаго; онъ изучалъ остатки финикійскаго языка; многія страницы его великаго историческаго творенія (Записокъ о всемірной исторіи) свидѣтельствуютъ, что онъ старался вникнуть въ сущность даже отдаленныхъ языковъ Азіи и Африки“.

Знаніе языковъ открывало Хомякову свободный доступъ къ источникамъ и литературѣ наукъ всѣхъ образованныхъ народовъ. А какъ онъ пользовался этимъ своимъ преимуществомъ, видно, хотя бы напримѣръ, изъ слѣдующаго свидѣтельства Ю. Ѳ. Самарина относительно его занятій въ области исторіи. „Обыкновенно, говоритъ Самаринъ, отправляясь въ деревню, онъ забиралъ съ собою цѣлую библіотеку лѣтописей, словарей, новѣйшихъ изслѣдованій и путешествій; въ одинъ годъ, изъ-за границы, выписано было имъ книгъ на 10 тысячъ рублей. При необыкновенной силѣ его ума, онъ одолѣвалъ этотъ сырой матеріалъ въ теченіе лѣта, осени и начала зимы, и затѣмъ, почти не прибѣгая къ выпискамъ, но полагаясь на свою громадную память, никогда ему не измѣнявшую, онъ заносилъ въ особыя тетради и въ самой сжатой формѣ результаты, выработанные имъ изъ всего прочитаннаго“. Можно было бы установить фактъ приблизительно такого же отношенія его и къ другимъ отраслямъ знанія. Зная это, легко можно повѣрить отзыву тѣхъ современниковъ, которые, изумляясь его чрезвычайной начитанности, свидѣтельствуютъ, что „во всѣхъ отрасляхъ знанія, начиная съ философіи и оканчивая механикой, въ исторіи народовъ и въ исторіи религій, въ эстетикѣ и политикѣ, въ опредѣленіи сущности христіанскихъ церквей и въ опредѣленіи сущности индо европейскихъ языковъ, въ археологіи и юриспруденціи, во всемъ онъ совмѣщалъ полное знакомство съ выработаннымъ доселѣ матеріаломъ, а въ то же время съ совершенною самобытностію взгляда“. Дѣйствительно, если сразу, однимъ, такъ сказать, взглядомъ окинуть всѣ тѣ области знанія и практической жизни, въ которыхъ Хомяковъ успѣлъ проявить себя, то придется изумляться тому, какимъ

образомъ одинъ человѣкъ могъ все это совмѣстить въ себѣ. Какъ *помѣщикъ*, владѣвшій нѣсколькими имѣніями въ разныхъ губерніяхъ, онъ дѣлаетъ серьезныя усовершенствованія въ области земледѣлія, много работаетъ надъ пріисканіемъ „новыхъ путей“ сахароваренія, очень рано разрабатываетъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею на самыхъ гуманныхъ основаніяхъ и, въ предѣлахъ, дозволенныхъ закономъ, устанавливаетъ на практикѣ новыя отношенія къ своимъ крестьянамъ; какъ *техникъ*, дѣлаетъ рядъ изобрѣтеній, выставляетъ, напримѣръ, на всемірной выставкѣ въ Лондонѣ своего изобрѣтенія *машину* „съ сугубымъ давленіемъ“ и изобрѣтаетъ *штуцеръ* (ружье), которымъ „на версту пробиваетъ четырехъ вершковый щитъ на вылетъ“; какъ *медикъ*, онъ изыскиваетъ новыя средства лѣченія нѣкоторыхъ болѣзней, особенно холеры, съ которою борется съ большимъ успѣхомъ; какъ *поэтъ*, онъ очень рано пріобрѣтаетъ извѣстность идейностью своихъ стихотвореній; какъ *живописецъ*, успѣваетъ въ этой области настолько, что въ Парижѣ, во время своего перваго путешествія заграницу, получаетъ заказъ на изготовленіе иконы въ одну католическую церковь; какъ *ученый*, онъ съ блестящимъ успѣхомъ работаетъ въ области филологіи, исторіи, юриспруденціи, философіи, богословія, вездѣ проявляя свой блестящій критическій умъ и оригинальность творческой мысли; какъ *публицистъ*, съ большою чуткостью отзывается на самые жгучіе вопросы современной жизни; какъ руководитель *славянофильскаго кружка*, ведетъ безконечные споры въ интересахъ уясненія пропаганды основныхъ началъ его доктрины; какъ *предсѣдатель литературнаго общества*, хлопочетъ надъ его возрожденіемъ и своими блестящими рѣчами старается смягчить и умѣрить односторонность въ направленіи его членовъ; какъ *миссіонеръ*, онъ успѣшно ведетъ дебаты съ раскольниками; какъ *спортсменъ*, онъ является тонкимъ и авторитетнымъ знатокомъ въ области охоты и т. д. Иной разъ Хомяковъ обнаруживалъ спеціальныя свѣдѣнія въ такихъ областяхъ знанія, къ которымъ, казалось-бы, онъ не могъ имѣть никакого отношенія. Разсказываютъ, что во время одного визита, онъ привелъ въ восторгъ великосвѣтскихъ дамъ своими тонкими свѣдѣніями въ области кружевного мастерства; а одинъ архитекторъ, послѣ бесѣды съ нимъ, не зная съ кѣмъ онъ говоритъ, призналъ въ немъ спеціалиста въ области своей профессіи.

Весь этотъ богатый матеріалъ, почерпнутый Хомяковымъ изъ самыхъ разнообразныхъ областей знанія, переработанный, такъ сказать, въ лабораторіи его глубокаго, философскаго ума,

выливался въ стройную систему міровоззрѣнія, которая и служила прочнымъ фундаментомъ для *самобытности* его взгляда. Эта самобытность взгляда, засвидѣтельствованная современниками и ярко выступающая въ оставшихся послѣ Хомякова сочиненіяхъ, неизбѣжно вела къ столкновенію его съ представителями тогдашняго нашего образованнаго общества, которое, привыкши слѣдовать на буксирѣ за своими европейскими авторитетами, никакъ не могло примириться съ возможностью возникновенія оригинальнаго, самобытно-русскаго міровоззрѣнія. Здѣсь главный источникъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, которые велъ Хомяковъ въ Московскихъ кружковыхъ собраніяхъ и въ которыхъ онъ, какъ единогласно свидѣтельствуютъ современники, съ такой блестящей стороны показалъ свои необыкновенныя діалектическія способности. Въ этомъ случаѣ особенно цѣнно для насъ свидѣтельство А. И. Герцена, который, при блестящихъ дарованіяхъ, на первыхъ порахъ, до произшедшаго въ немъ разочарованія въ Европѣ, былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ Хомякова. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ въ Дневникѣ Герцена подъ 21 декабря 1842 года. „Вчера былъ продолжительный споръ у меня съ Хомяковымъ о современной философіи. Удивительный даръ логической фастинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ, вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на минуту arrière pensée, къ которой идетъ. Необыкновенная способность!“ Въ другомъ мѣстѣ, называя Хомякова человѣкомъ „необыкновенно даровитымъ“, обладавшимъ „страшной эрудиціей“, онъ сравниваетъ его съ богатыремъ Ильею Муромцемъ, въ борьбѣ съ которымъ не въ состояніи была устоять никакая сила: „Боецъ безъ устали и отдыха, говоритъ Герценъ, онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя (было); словомъ, кого за убѣжденіе—убѣжденіе прочь, кого за логику—логика прочь“. Герценъ говоритъ о цитатахъ, которыми осыпалъ своихъ оппонентовъ Хомяковъ. Это свидѣтельство касается факта, взятаго Герценомъ изъ его же собственнаго опыта. Герценъ сознавался П. В. Анненкову, „что А. С. Хомяковъ заставилъ его прочесть волюминозныя исторіи Неандера и Гфререра и особенно изучать исторію вселенскихъ соборовъ, мало знакомую ему, для того, чтобы возстановить нѣкотораго рода равновѣсіе въ спорѣ съ противникомъ и имѣть возможность повѣрять обильныя ссылки Хомякова на каноны и параграфы соборныхъ постановленій, которыми онъ *сыпалъ на память*,

противопоставляя ихъ точнымъ нѣмецкимъ тезисамъ Герцена". Нужно помнить, что Хомяковъ обладалъ блестящимъ даромъ слова, которое въ минуты воодушевленія носило на себѣ печать вдохновенія. „Когда онъ, свидѣтельствуетъ А. П. Кошелевъ, говорилъ о Христѣ и его ученіи, о различныхъ исповѣданіяхъ и церквахъ, и о судьбѣ Христіанства въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ,—тогда въ словахъ его была какая-то сила необычайная, возбуждавшая въ слушателяхъ понятіе о дѣятельности апостольской. И жизнь его подкрѣпляла силу его словъ". Въ послѣднихъ словахъ отмѣчается одна особенно важная черта въ характерѣ нравственной личности Хомякова: это всегдашнее согласіе у него слова съ дѣломъ. Не смотря на свое раннее ознакомленіе съ разными теченіями отрицательной философско-богословской мысли, онъ всегда оставался искренне вѣрующимъ христіаниномъ и строгимъ исполнителемъ всѣхъ предписаній православной церкви. Баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, командиръ кирасирскаго полка, на службу въ который Хомяковъ поступилъ на 18-мъ году жизни, свидѣтельствуетъ, что, не смотря на то, что „въ то время было уже значительное число вольнодумцевъ, деистовъ, и многіе глумились надъ исполненіемъ уставовъ церкви, утверждая, что они установлены для черни",—Хомяковъ „строго исполнялъ всѣ посты по уставу православной церкви, и въ праздничные и воскресные дни посѣщалъ всѣ богослуженія", причемъ „внушалъ къ себѣ такую любовь и уваженіе, что никто не позволялъ себѣ коснуться его вѣрованія". Не нужно забывать, что своимъ образованіемъ Хомяковъ уже въ это время цѣлою головою выдѣлялся изъ толпы всѣхъ этихъ „вольнодумцевъ". „Образованіе его, говоритъ тотъ же авторъ, было поразительно превосходно, и я во всю жизнь свою не встрѣчалъ ничего подобнаго въ юношескомъ возрастѣ. Какое возвышенное направленіе имѣла его поэзія! Онъ не увлекался направленіемъ вѣка къ поэзіи чувственной. У него все нравственно, духовно, возвышенно". Но у Хомякова все было нравственно не только въ поэзіи, но и въ жизни. По своеобразному выраженію одного изъ современниковъ, онъ „свою нравственную страсть доводилъ по послѣдней крайности". Все это въ молодомъ военномъ человѣкѣ въ тогдашнее время было такъ необычно, что, познакомившійся съ нимъ тогда Кошелевъ замѣтивъ, что „всю страстную недѣлю онъ не ѣлъ мяса, а въ великую пятницу совсѣмъ воздерживался отъ пищи", тутъ же спѣшитъ оговориться въ письмѣ къ матери: „но не подумайте, чтобы онъ былъ святоша или фанатикъ. Ни то, ни другое. Онъ находитъ,

что такъ должно поступать по убѣжденію, и вовсе не осуждаетъ, если другіе поступаютъ иначе". Даже въ Парижѣ, когда онъ жилъ тамъ въ 1825 и 1826 г.г., „онъ съумѣлъ во весь великій постъ ни разу не оскоромиться". Когда люди, относившіеся къ обрядовой сторонѣ религіи отрицательно, никакъ не могли взять въ толкъ, какимъ образомъ такой замѣчательно образованный человѣкъ такъ строго исполняетъ всѣ предписанія Церкви, онъ отвѣчалъ, что „содержитъ посты потому, что Церковь ихъ установила, что не считаетъ себя вправѣ становиться выше ея и что дорожитъ этою связью съ народомъ". Вотъ почему „въ церковь, по свидѣтельству современника, онъ ходилъ очень прилежно, и хотя имѣлъ привычку вставать по утрамъ поздно, часу въ 12-мъ, однако по праздникамъ не пропускалъ обѣдни и часто ходилъ даже къ заутрени. Молился онъ много и усердно, но старался этого не показывать и даже это скрывалъ. Никто и никогда не могъ упрекнуть его въ святошествѣ". И все это потому, что „для Хомякова вѣра Христова была не доктриною и не какимъ либо установленіемъ; для него она была жизнью, всецѣло охватывавшею все его существо."—Когда литературные и всякіе другіе враги прибѣгали ко всевозможнымъ, часто нравственно низменнымъ, средствамъ, чтобы повредить ему и успѣхамъ основаннаго имъ кружка, Хомяковъ постоянно напоминалъ своимъ друзьямъ, что „надобно только сохранять вполнѣ нравственное достоинство и безусловную, безстрастную чистоту во всѣхъ дѣйствіяхъ, и тогда нападки" нашихъ противниковъ „обратятся въ нашу же пользу". Такъ онъ училъ поступать другихъ, такъ онъ и самъ поступалъ на дѣлѣ.

Таковъ былъ человѣкъ, на долю котораго выпала великая задача вывести мысль нашего образованнаго общества изъ состоянія рабской подражательности и поставить ее на путь широкаго, свободнаго, самобытнаго развитія. Хомяковъ, какъ видно изъ сказаннаго, обладалъ всѣми необходимыми для этого средствами Могучій, всеобъемлющій умъ, при универсальной всесторонности знанія, давалъ ему возможность разобраться въ послѣднихъ результатахъ человѣческаго прогресса въ его историческомъ освѣщеніи; глубокій, безпощадный анализъ мысли помогъ ему произвести безпристрастную, строго-объективную оцѣнку внутренняго достоинства этихъ результатовъ; глубокое проникновеніе умомъ и сердцемъ въ духъ Христіанства открывало ему путь къ уразумѣнію вѣковѣчныхъ истинъ любви, добра и правды,—этихъ высшихъ основъ жизни, къ осуществленію которыхъ долженъ стремиться человѣкъ,

какъ разумно-нравственное существо, а вмѣстѣ съ тѣмъ помогало ему установить единственно вѣрный критерій для оцѣнки плодовъ позднѣйшей Западно европейской образованности; всегдашняя, съ самаго дѣтства установившаяся, тѣсная, органическая связь съ народомъ давала ему возможность чутьемъ угадать особенности душевнаго строя русскаго народа, какъ особаго культурно-историческаго типа, а научное изученіе исторіи и этнографіи открывало ему путь къ разысканію началъ жизни, управлявшихъ ходомъ нашей исторіи и намѣчавшихъ тотъ высшій идеалъ, къ осуществленію котораго призванъ русскій народъ; несомнѣнный литературный талантъ, съ одинаковымъ успѣхомъ проявившійся и въ стихѣ, и въ прозѣ, блестящій даръ слова, предъ силою котораго одинаково преклонялись и друзья и враги;—все это, казалось, должно было послужить надежной гарантіей успѣха тѣхъ идей, съ проповѣдью которыхъ выступилъ Хомяковъ. На дѣлѣ же, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, вышло нѣчто другое. Причина этого заключалась не въ идеяхъ Хомякова и не въ немъ самомъ, а въ томъ обществѣ, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло. Идея самобытности не могла встрѣтить сочувствія среди людей, которые, вслѣдствіе вѣковой разобщенности отъ своего народа, утратили самое чутье народности, которые, наряду съ извѣстнымъ Чаадаевымъ, въ нашемъ историческомъ прошломъ ничего другого не находили, кромѣ „дикаго варварства, грубаго суевѣрія и позорнаго рабства“, для которыхъ наша общественная жизнь представлялась „темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы и энергіи“ прозябаніемъ, которые находили, что въ самой крови нашей есть что то отталкивающее, враждебное совершенствованію“ и т. д. Извѣстный западникъ В. П. Боткинъ, когда однажды Некрасовъ упрекнулъ его въ томъ, что онъ, не зная русскаго народа, называетъ его „эскимосами и готтентотами“, презрительно отвѣтилъ: „и знать не хочу звѣроподобную пародію на людей, и считаю для себя большимъ несчастьемъ, что родился въ такомъ государствѣ. Вѣдь вся Европа, любезнѣйшій, смотритъ на русскаго чуть ли не какъ на людоѣда! Ты вѣдь не путешествовалъ по Европѣ, а мы въ ней жили и не разъ испытывали стыдъ, что принадлежимъ къ дикой націи... Да, настаивалъ Боткинъ, я европеецъ, а не русскій“. Люди, которые стыдились своего русскаго происхожденія, не могли не страдать своего рода *идолопоклонствомъ* предъ всѣмъ иноземнымъ. Картину этого идолопоклонства живо рисуетъ намъ Герценъ. „Нужно было видѣть, писалъ онъ, почтеніе, благоговѣніе, низкопоклонство, изумленіе молодыхъ рус-

скихъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ!... На другой же день, неприступные бояре, наглецы, грубіяны, совершали свое поклоненіе волхвовъ, ухаживали за всѣми знаменитостями,—все равно, какого рода и какого пола, начиная отъ Дезирабода, зубного врача, до Ма-па, пророка. Самые ничтожные лаццарони литературной Кьяйа, всякій фельетонный ветошникъ, всякій журнальный кропатель внушалъ имъ уваженіе, и они спѣшили предложить ему даже въ десять часовъ утра—редерера или вдовы Клико, и были счастливы, если онъ принималъ приглашеніе. Бѣдняги, они были жалки въ своей маніи удивленія... Молодой русскій, какъ только переходилъ границу, былъ поражаемъ острымъ *идолопоклонствомъ*. Онъ впадалъ въ экстазъ предъ всѣми людьми и всѣми вещами... Поиски за знаменитостями составляли муку нашихъ Анахарсисовъ"...

Выступая на борьбу съ столь острой формой „идолопоклонства", Хомяковъ прежде всего направилъ свои удары противъ главнаго идола эпохи, т. е. противъ нѣмецкой философіи, типичнѣйшимъ представителемъ которой въ данное время былъ Гегель. Увлеченіе нашего общества нѣмецкой философіей въ 30 и 40 годы принимало поистинѣ эпидемическій характеръ. Кто не знакомъ былъ съ этой философіей, кто не могъ трактовать о Шеллингѣ и Гегелѣ, тотъ не признавался образованнымъ человѣкомъ. Даже люди искренно вѣрующіе были убѣждены, что „судьба православія тѣсно связана съ судьбою философіи Гегеля", что „внѣ этой философіи православная Церковь существовать не можетъ".—Но въ то время какъ всѣ преклонялись предъ этимъ великаномъ германской философской мысли, Хомяковъ уже „при первомъ появленіи у насъ Гегелевой логики", по его же собственному сознанію, подмѣтилъ коренную ея ошибку и сталъ безпощадно ее разоблачать. „Гегель и гегельянство, говорилъ онъ, по свидѣтельству Герцена, представляютъ высшій моментъ философіи, совершенно послѣдовательный и необходимый изъ всего предшествующаго развитія; но этотъ результатъ доводитъ до построенія идеальнаго параллельно реальному, но и реальное доводитъ въ своемъ послѣднемъ словѣ до имманенціи и распадающагося хаотическаго атомизма, слѣдовательно до нелѣпости. Но эта нелѣпость не есть субъективная ошибка лица или школы, а *логическое, необходимое послѣдствіе всего движенія* (европейской науки). Слѣдовательно, наука въ послѣднемъ результатѣ своемъ уничтожаетъ себя и доказываетъ, что живой фактъ можетъ быть только въ абстракціи знаемъ мыслію, по строямъ его, но какъ конкретъ онъ выпадаетъ изъ нея. Итакъ, логи-

ческимъ путемъ однимъ нельзя знать истину. Она воплощается въ самой жизни—отсюда религіозный путь". Въ этихъ немногихъ словахъ Герценъ замѣчательно тонко подмѣтилъ центральный пунктъ философскаго ученія Хомякова о *познаніи*. Разоблачая ошибку Гегеля, онъ доказывалъ, что главный его недостатокъ заключается въ ошибкѣ всей школы, т. е. въ *раціонализмѣ*, признающемъ одну разсудочную, логическую, мысль за полноту силъ духа. Разсудочная мысль, орудуя сухими, мертвыми, абстрактными логическими схемами, можетъ постигать лишь законы предметовъ и явленій, но ей не доступна ихъ живая дѣйствительность, которая доступна разсудочной мысли лишь въ абстракціи; живая же истина можетъ быть постигнута только въ актѣ *непосредственнаго воспріятія живою вѣрою*, понимаемою въ смыслѣ полноты всѣхъ силъ духа. Путемъ разсудочнаго мышленія нельзя ни признать, ни отвергнуть того, что воспринято вѣрою, ибо сфера разсудочнаго, логическаго знанія не простирается въ область непосредственнаго воспріятія вѣрою; напротивъ, само оно получаетъ изъ этой области данныя, которыми и орудуетъ. Имѣя дѣло съ абстракціями, съ отвлеченными схемами, разсудочная мысль не можетъ ничего ни убавить, ни прибавить къ живой дѣйствительности; признавая послѣднюю за готовое данное, за живой конкретный фактъ, она можетъ только изучать *законы* его бытія. Вотъ это-то и выпущено было изъ виду представителями нѣмецкаго раціонализма. Признавая разсудочную мысль за единственный путь къ познанію истины, они естественно должны были отнестись отрицательно ко всему тому, что недоступно этой мысли; а такимъ именно и оказалась самая живая дѣйствительность, т. е. все то, что воспринимается живою вѣрою въ актѣ непосредственнаго воспріятія. Вотъ почему раціонализмъ, сильный въ дѣлѣ познанія законовъ природы, при своемъ послѣдовательномъ развитіи, долженъ привести къ атеизму, т. е. къ отрицанію Бога, какъ источника всего истинно сущаго. Но этотъ выводъ есть ничто иное, какъ плодъ недомыслія, въ которое впала нѣмецкая философія, принявъ разсудокъ, т. е. одну лишь способность духа, за цѣлый духъ.

Разоблачивъ коренную ошибку нѣмецкой философіи, Хомяковъ на этомъ не остановился. Онъ совершенно основательно указалъ на то, что такой грандіозный фактъ, какимъ безспорно была основанная Кантомъ школа, не могъ быть явленіемъ случайнымъ, одинокимъ, что корней этого явленія слѣдуетъ искать глубже, въ нѣдрахъ породившей его исторіи. Такъ естественно Хомяковъ изъ изслѣдованія въ области фи-

лософіи переходитъ къ изслѣдованію въ области исторіи. Разысканія, произведенныя въ этомъ направленіи, дѣйствительно открыли, что раціонализмъ философскій на Западѣ въ сущности явился лишь младшимъ братомъ раціонализма религіознаго, проявившагося сначала въ схоластикѣ и папизмѣ, а потомъ и въ протестантствѣ. Эту оригинальную мысль Хомякова коротко можно выразить такъ.

Христіанская Церковь есть тѣло Христово, это есть духовный организмъ, основанный на свободномъ, чисто нравственномъ единеніи душъ. Этимъ, проникнутымъ любовью, единеніемъ человѣческихъ душъ, создается та высокая, нравственно-чистая атмосфера, въ которой пребываетъ благодать Св. Духа, обусловливающая и святость Церкви, и ея непогрѣшимость. Такъ и учитъ Православная Церковь, которая, не подавляя свободы личности, въ то же время, не оставляетъ слишкомъ много мѣста для личнаго произвола человѣка, чрезмѣрное развитіе котораго повлекло бы за собою разрушеніе церковнаго единства. „Церковь, говоритъ Хомяковъ, не въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ вѣрующихъ, даже не въ видимомъ собраніи вѣрующихъ, но *въ духовной связи* ихъ объединяющей“. Единство въ Церкви достигается путемъ свободнаго единенія ея членовъ по закону любви: примиреніе началъ *единства* многихъ въ обществѣ и *свободы* личности на началѣ любви—вотъ первая характерная особенность Церкви, которою послѣдняя отличается отъ всякаго другого человѣческаго общества. Непремѣннымъ условіемъ принадлежности къ Церкви служитъ вѣра въ І. Христа, какъ Спасителя міра, Который въ то же время есть единственный глава Церкви. Животворящую силу Церкви, какъ духовнаго организма, составляетъ Духъ Божій, живущій въ любовномъ единствѣ ея членовъ; въ этомъ смыслѣ можно даже сказать, что духъ Церкви есть Духъ Божій. Дѣйствіе Духа Божія проявляется прежде всего въ спасающей благодати, которую Церковь сообщаетъ своимъ членамъ въ *таинствахъ* Внѣшнимъ проявленіемъ жизненнаго общенія членовъ Церкви служитъ *молитва*, которая есть какъ бы кровь, обращающаяся въ тѣлѣ Церкви: она ея жизнь и выраженіе ея жизни; она глаголъ ея любви, вѣчное дыханіе Духа Божія. Переданныя Церкви на храненіе откровенныя истины она знаетъ живымъ непосредственнымъ знаніемъ, и ея знаніе не есть знаніе просто человѣческое, а знаніе Духа Божія, живущаго въ Церкви и говорящаго устами ея соборовъ, ея богоизбранныхъ мужей. Своихъ истинъ Церковь не изслѣдуетъ и не доказываетъ: она только, по мѣрѣ надобности, сви-

БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

дѣтельствуетъ ихъ, предоставляя изслѣдованіе своимъ отдѣльнымъ членамъ. Свобода изслѣдованія есть непремѣнная принадлежность истинной Церкви; но, предоставляя членамъ свободу изслѣдованія, Церковь удерживаетъ за собою право послѣдняго слова, и всякій ея членъ, вѣруя въ непогрѣшимость только одной Церкви, охотно отдаетъ на ея судъ результаты своего умственнаго труда, съ любовью подчиняясь ея приговору. Истины, преподанныя Церкви Самимъ I Христомъ чрезъ богодухновенныхъ мужей, содержатся въ Священномъ Писаніи и неизмѣнно хранятся въ священномъ преданіи, которое есть самая жизнь Церкви. Естественнымъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ подлинности книгъ Священнаго Писанія служитъ установленный Церковью *Канонъ*: Библія отъ Канона, Канонъ отъ Церкви неотдѣлимы.

Легко замѣтить, что то основаніе, на которомъ утверждается представленное ученіе о Церкви, есть *любовь:* гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ истинно христіанскаго единства, тамъ нѣтъ и Церкви, какъ Тѣла Христова, тамъ нѣтъ и ея Главы, тамъ нѣтъ и Духа Божія, живущаго въ любовномъ единеніи вѣрующихъ и т. д., и т. д. Такимъ образомъ въ представленіи Хомякова Церковь есть институтъ по преимуществу нравственный. Но этого мало: нравственный элементъ въ представленіи Хомякова до того тѣсно связанъ съ догматическимъ, что неразлучно сопутствуетъ ему на всѣхъ стадіяхъ развитія его системы христіанскаго ученія. *Богъ есть любовь* и въ этомъ смыслѣ Онъ есть существо по преимуществу нравственное. Любовь есть начало всякой активности въ Богѣ, дающей, такъ сказать, направленіе движенію Его воли, Его разума: въ любви по преимуществу выражается внутренняя жизнь Божества, единаго по существу, но троичнаго въ лицахъ; въ любви заключается истинная причина (импульсъ) творенія Богомъ міра и въ вѣнцѣ его созданныхъ для блага разумныхъ тварей, законом жизни которыхъ поставлена любовь къ Богу и взаимная любовь между собою; паденіе высшихъ духовъ и затѣмъ человѣка было временнымъ торжествомъ въ мірѣ эгоизма; но зато послѣдовавшее потомъ спасеніе рода человѣческаго было новымъ высочайшимъ проявленіемъ любви Божіей; Спаситель міра съ его страданіями за людей и крестною смертью есть какъ бы воплотившаяся на землѣ любовь Божія; основанная Имъ Церковь есть духовный организмъ, жизненную, объединяющую силу котораго составляетъ та же любовь, укрѣпляемая благодатію Св. Духа, живущаго въ любовномъ единеніи душъ; данная I. Христомъ первая и наибольшая заповѣдь, на

которой утверждается весь законъ и пророки, есть заповѣдь о любви; сообразно съ этимъ постоянное совершенствованіе въ любви есть высшая и конечная цѣль существованія человѣка, который, двигаемый этимъ святымъ началомъ, долженъ и свою волю и свой разумъ настраивать по строю Совершеннѣйшаго Существа—Бога, Который есть Сама любовь.

Изъ сказаннаго видно, какъ тѣсно въ представленіи Хомякова этика связана съ догматикой: здѣсь нравственное начало любви, какъ живая струя, проникаетъ собою всю систему христіанскаго міровоззрѣнія, составляя ея существенное содержаніе, и понятно поэтому, что кто задумалъ бы посягнуть на это начало, тотъ посягнулъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ на самую сущность христіанства, ибо онъ лишилъ бы его живого содержанія. Вотъ на эту-то сущность христіанства и посягнулъ католическій Римъ, а за нимъ и протестантство. Понять это не трудно. Органомъ церковнаго единства въ дѣлѣ познанія откровенныхъ истинъ въ Церкви служатъ Вселенскіе Соборы, а главнымъ плодомъ ихъ дѣятельности—Вселенскій Символъ вѣры. Какъ плодъ проявленія любви и единодушія всей Церкви, Символъ содержитъ въ себѣ одну лишь непререкаемую истину, которая не можетъ быть измѣнена безъ того, чтобы Церковь не стала въ противорѣчіе сама съ собою, тѣмъ болѣе онъ не можетъ быть измѣненъ какою-нибудь отдѣльною частною общиною. Между тѣмъ Римская Церковь, будучи такою именно частною общиною въ цѣломъ составѣ Вселенской Церкви, позволила себѣ самовольно, не справляясь съ голосомъ всей Церкви, допустить измѣненіе въ одномъ изъ основныхъ пунктовъ Вселенскаго Символа (filioque). Ясно, что тутъ прежде всего важенъ не характеръ допущеннаго измѣненія, а самый фактъ измѣненія; ибо здѣсь частная церковная община присвоила себѣ право, которое принадлежитъ лишь цѣлой Церкви, взятой во всемъ своемъ составѣ. Такимъ образомъ „самымъ дѣйствіемъ своимъ (т. е. самовольнымъ измѣненіемъ Символа) римскій міръ, говоритъ Хомяковъ, подразумѣвательно заявилъ, что въ его глазахъ весь Востокъ былъ не болѣе, какъ міръ илотовъ въ дѣлахъ вѣры и ученія“. Такъ совершилось величайшее съ церковной точки зрѣнія преступленіе, которое по всей справедливости можно назвать *нравственнымъ братоубійствомъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно должна была кончиться церковная жизнь цѣлой половины Церкви (западной) и возникнуть основаніе для будущаго зарожденія Протестантства. „Частное мнѣніе, личное или областное (это все равно), присвоившее себѣ въ области Вселенской Церкви право на самостоятельное рѣшеніе догмати-

ческаго вопроса, заключало въ себѣ постановку и узаконеніе Протестантства, то есть: свободы изслѣдованія, оторванной отъ живого преданія о единствѣ, основанномъ на взаимной любви. Итакъ, Романизмъ, въ самый моментъ своего происхожденія, заявилъ себя Протестантствомъ. Право рѣшенія догматическихъ вопросовъ внезапно какъ бы переставилось. Прежде оно составляло принадлежность Вселенской Церкви; отнынѣ оно присвоивалось Церкви областной". Нужно было отыскать какое либо основаніе для оправданія такой перестановки. Этого можно было достигнуть двоякимъ путемъ: или выдвинуть принципъ свободнаго изслѣдованія, несдерживаемаго живымъ преданіемъ, или признать за отпавшею частною общиною привиллегію на исключительное обладаніе Святымъ Духомъ. Если смотрѣть на вопросъ съ точки зрѣнія Вселенской Церкви, то оба эти пути въ сущности сводятся къ одному первому, ибо ни одна частная община не можетъ обладать тѣмъ, что принадлежитъ всей Церкви. Но стать на первый путь, т. е. провозгласить и узаконить начало *личнаго* произвола въ изслѣдованіи *какъ права*, было еще слишкомъ рано: „прежній строй жизни былъ еще слишкомъ памятенъ, первое начало (произволъ въ изслѣдованіи) слишкомъ неопредѣленно и притомъ столь противно здравому смыслу, что не было возможности на немъ укрѣпиться". Вотъ почему Римъ избралъ второй путь и рѣшилъ пріурочить монополію богодухновенности къ одному своему престолу. Такъ создался авторитетъ непогрѣшимаго папы. Сущность произшедшей отъ этого перемѣны заключается въ слѣдующемъ: то, что принадлежитъ цѣлой Церкви, папизмъ переноситъ на одно лицо; благодать Св. Духа, живущая въ нравственномъ единеніи вѣрующихъ и обусловливающая внутреннее единеніе Церкви, ея святость, ея непогрѣшимость, какъ бы похищается изъ ея нѣдръ и передается одному изъ ея іерарховъ; словомъ, жизненный успѣхъ Церкви изъ ея сердца переносится въ искусственно подставленную голову. „Авторитетъ папы, заступившій мѣсто вселенской непогрѣшимости, былъ авторитетъ внѣшній. Христіанинъ, нѣкогда членъ Церкви, нѣкогда отвѣтственный участникъ въ ея рѣшеніяхъ, сдѣлался подданнымъ Церкви. Она и онъ перестали быть единымъ: онъ былъ внѣ ея, хотя оставался въ ея нѣдрахъ". Непогрѣшимость Церкви, какъ сказано, неразлучно связана съ ея святостью: умственный и нравственный элементы здѣсь не раздѣлимы. Во вновь созданномъ авторитетѣ эти элементы оказались разобщенными. „Даръ непогрѣшимости, присвоенный папѣ, ставился внѣ всякаго на него вліянія нравственныхъ условій, такъ что

ни испорченность всей христіанской среды, ни даже личная испорченность самого папы не могли имѣть на непогрѣшимость никакого дѣйствія. Папа дѣлается какимъ то оракуломъ, лишеннымъ всякой свободы, какимъ то истуканомъ изъ костей и плоти, приводимымъ въ движеніе затаенными пружинами. Для христіанина этотъ оракулъ ниспадалъ въ разрядъ явленій матеріальнаго свойства, тѣхъ явленій, которыхъ законы могутъ и должны подлежать изслѣдованіямъ *одного разума*, ибо внутренняя связь человѣка съ Церковью была порвана. Законъ чисто внѣшній, и слѣдовательно разсудочный, заступилъ мѣсто закона нравственнаго и живого, который одинъ не боится раціонализма, ибо объемлетъ не только разумъ человѣка, но и все его существо". Словомъ, въ папизмѣ „на мѣсто удалившагося Духа Божія, наступило царство чисто раціоналистической логики", которая, припрятавшись временно подъ внѣшнимъ авторитетомъ папы, позднѣе открыто выступила въ протестанствѣ. Естественность такого перехода понять не трудно: Западная Церковь, механически сплоченная подъ властью искусственно подставленной главы, но лишенная своего естественнаго внутренняго средоточія, мало-по-малу стала распадаться. Чтобы спасти церковное зданіе отъ разрушенія, папизмъ недостатокъ внутренняго цемента попытался замѣнить внѣшними, чисто механическими, скрѣпами. Такъ явилась пресловутая инквизиція съ ея пытками, тюрьмами и кострами. Кто въ этомъ страшномъ порожденіи папизма узнаетъ проявленіе основного закона христіанской жизни,—закона любви! Но всѣ внѣшнія мѣропріятія не достигли своей цѣли и зданіе стало рушиться: развившаяся личность не снесла гнета деспотизма и выступила съ протестомъ. Такъ появился на Западѣ Протестантизмъ. Слѣдовало, казалось бы, ожидать, что протестанты освободившись отъ гнета папизма, возвратятся къ началамъ Вселенскаго Православія и на развалинахъ Римскаго Католицизма возстанетъ въ новой силѣ древнее православіе. Но вышло иначе. Западному христіанину, разъ брошенному на путь личнаго произвола, уже трудно было удержаться на этомъ скользкомъ пути отъ дальнѣйшаго паденія. Многовѣковая жизнь внѣ общенія съ Церковью уничтожила память о Вселенскомъ Православіи, а поэтому протестанты, отвергнувъ авторитетъ римскаго папы, не возвратились къ авторитету Церкви, а создали себѣ свой собственный авторитетъ, каждый въ своемъ личномъ разумѣ. Такимъ образомъ на мѣсто одного непогрѣшимаго папы, въ Протестантствѣ появилось множество такихъ же папъ, ибо здѣсь каждый человѣкъ, кому вздумается,

можетъ объявить себя органомъ проявленія Св. Духа и явиться непогрѣшимымъ истолкователемъ священнаго писанія и всѣхъ вообще Богооткровенныхъ истинъ. „Такъ возникло Протестантство, законное (логически послѣдовательное), хотя и непокорное исчадіе Романизма. Въ извѣстномъ отношеніи оно представляетъ собою своего рода реакцію христіанской мысли противъ заблужденій, господствовавшихъ въ продолженіе вѣковъ; но, по происхожденію своему, оно *не секта первобытнаго Христіанства, а расколъ, порожденный Римскимъ вѣрованіемъ*“.

Теперь легко понять, чѣмъ отличаются особенности Католичества и Протестантства сравнительно съ православіемъ. Корень этого различія въ неодинаковомъ взглядѣ на Церковь. Съ Православной точки зрѣнія, Церковь, какъ общественный организмъ, есть фактъ примиренія на чисто нравственной основѣ двухъ трудно-примиримыхъ началъ: *свободы* личности и *единства* многихъ. Церковь, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, есть *свобода въ единствѣ по закону любви*. Романизмъ, отвергнувъ живое, основанное на нравственномъ единеніи душъ единство Церкви, свободу принесъ въ жертву искусственному, чисто юридическому, единству, основанному на деспотизмѣ папы; Протестантство, возстановивъ свободу, утвердило произволъ личности и этимъ разрушило единство; у Римлянъ единство состоитъ въ стройности движенія подданныхъ, рабовъ, а поэтому оно исключаетъ истинную свободу; у Протестантовъ свобода состоитъ въ произволѣ личности, а поэтому исключаетъ единство, которое для нихъ возможно лишь въ смыслѣ ариѳметическаго итога. На Западѣ, слѣдовательно, или единство безъ свободы, или свобода безъ единства. Но такъ какъ въ Церкви ни истинная свобода безъ единства, ни истинное единство безъ свободы невозможны, то тамъ поэтому нѣтъ ни истинной свободы, ни истиннаго единства, а, слѣдовательно, тамъ нѣтъ и истинной Церкви. Въ противоположность государству, которое зиждется на формально юридической основѣ, Церковь, какъ мы видѣли, есть институтъ чисто нравственный. Вотъ почему, попирая начало церковное, Западный міръ открывалъ широкій просторъ для торжества въ жизни начала государственнаго, начала формально-юридическаго. И нужно замѣтить, что это обстоятельство не было на Западѣ чѣмъ нибудь случайнымъ: оно явилось естественнымъ результатомъ того наслѣдія, какое западно-христіанскій міръ получилъ отъ языческаго Рима. Для римлянина, создавшаго самое могучее изъ всѣхъ государствъ и науку права, доведенную до возможнаго совершенства логической послѣдовательности, высшее въ

мірѣ было само государство: это была единственная неоспоримая его святыня и начало всякой святыни. Ставъ христіаниномъ, римлянинъ эту свою точку зрѣнія перенесъ и въ область жизни религіозной: вѣра была для него внѣшнимъ закономъ, а Церковь явленіемъ земнымъ, общественнымъ и государственнымъ, подчиненнымъ высшей волѣ невидимаго міра и главы его Христа, но въ то же время требующимъ единства условнаго, формально юридическаго, и видимаго символа этого правительственнаго единства. Такимъ именно символомъ этого чисто внѣшняго, государственнаго, единства и явился римскій епископъ, какъ пастырь всемірной столицы. Такимъ образомъ идеи *единства* и *свободы*, гармонически соединенныя въ *нравственномъ законѣ взаимной любви*, не могли войти въ понятіе римлянина о Церкви. „Юридическій характеръ Римскаго міра не могъ понять этого закона: для него единство и свобода явились силами противоположными другъ другу, антагонистическими между собою; изъ двухъ началъ высшимъ показалось ему, по необходимости, единство и онъ пожертвовалъ ему свободой". Таково было вліяніе римской стихіи на западный христіанскій міръ. „Древній Римъ налагалъ свою печать на новое христіанство запада. Гордость прежней власти и прежняго утраченнаго величія была наслѣдствомъ, отъ котораго не могли отказаться ни римляне позднѣйшей эпохи, ни ихъ духовные пастыри".

Такой порядокъ вещей для старой Римской имперіи имѣлъ роковыя послѣдствія; но онъ въ то же время остался злымъ наслѣдствомъ и для свѣжихъ народностей Западной Европы, національныя особенности которыхъ составили вторую (на ряду съ Римской) стихію въ исторіи духовнаго просвѣщенія Западнаго міра. Между этими народностями первое мѣсто занимали Германцы. Мы видѣли, что изъ двухъ христіанскихъ началъ—единства и свободы—Римъ могъ усвоить только первое изъ нихъ. „Стихія Германская, противная Римской, удержала бы за собою другое начало (свободу), но этого быть не могло: она сама явилась въ Западной Европѣ *завоевательницею,* насильницею". Все движеніе Германцевъ было издавна движеніемъ дружинъ, стремившихся къ завоеваніямъ. „Германцы не хотѣли областей пустопорожнихъ... Они искали земель обитаемыхъ, народовъ, надъ которыми можно было бы властвовать, людей, которыхъ можно было бы обратить въ рабовъ". Вѣковое воспитаніе въ этомъ направленіи, т. е. воспитаніе въ мысли о правѣ на неправую власть, должно было наложить на Германцевъ неизгладимую печать. Они были ари-

стократіей правительственною и насильною (какъ всякая аристократія по своему началу) въ земляхъ завоеванныхъ ими. Они и потомъ не хотѣли и не могли согласиться на утрату своего высокаго значенія и на вступленіе въ жизнь народную и чисто человѣческую. Словомъ, „исторія прежнихъ вѣковъ осудила ихъ быть аристократами“. Отсюда понятно, что германская стихія, при встрѣчѣ съ римскою, оказалась въ полномъ созвучіи съ нею. „вслѣдствіе своего *положенія* она приняла въ себя то начало, которое принимала римская стихія вслѣдствіе своего *внутренняго характера*“. Эта односторонность романо-германской стихіи могла бы быть смягчена третьей народной стихіей—Кельтической. Но Кельтическіе народы были народами побѣжденными и они по неволѣ должны были воспринять начало господствующихъ народностей. Эта раздвоенность во взаимномъ отношеніи народныхъ стихій на Западѣ имѣла огромное вліяніе на характеръ тамошняго общественнаго строя: между побѣдителями и побѣжденными естественно должны были установиться отношенія чисто формальныя, ибо при взаимной враждѣ сторонъ христіанскій законъ любви не могъ получить примѣненія.

Изъ сказаннаго видно, что въ основаніи европейскаго просвѣщенія оказалось начало вдвойнѣ одностороннее. Эта односторонность проявилась: въ области теоретической торжествомъ *разсудочнаго* начала надъ началомъ *живой вѣры*, понимаемой въ смыслѣ полноты всѣхъ силъ духа; въ области практической—господствомъ *формально-юридическаго* начала надъ началомъ *нравственнымъ*. Въ результатѣ такой односторонности получилось то, что идеальныя стороны духа мало по малу стали приноситься въ жертву практическимъ интересамъ жизни и европейское просвѣщеніе въ концѣ концовъ *овеществилось*.

Но, отмѣчая слабыя стороны просвѣщенія Запада, Хомяковъ въ то же время отдавалъ „вполнѣ справедливую дань удивленія его великимъ явленіямъ историческимъ, и художественнымъ, и научнымъ“, и вообще находилъ, что европейскіе народы „могутъ за свои великіе подвиги слышать отъ насъ (русскихъ) слово правдиваго уваженія, непомраченнаго ни осужденіемъ, ни упрекомъ“. Мало того. Иное отношеніе къ Западу Хомяковъ считалъ прямо не честнымъ. „Неразумно было бы, говоритъ онъ, не цѣнить того множества полезныхъ знаній, которыя мы (русскіе) уже почерпали и еще черпаемъ изъ неутомимыхъ трудовъ Западнаго міра; а пользоваться этими знаніями и говорить о нихъ съ пренебреженіемъ было бы не только неразумно, но и нечестно“.

Въ свое время высказывалось мнѣніе, которое иногда повторяется и теперь, что Хомяковъ и его единомышленники отрицательно будто бы относились къ европейскому просвѣщенію. Послѣ всего сказаннаго легко понять истинную цѣнность этого мнѣнія. Преклоняясь предъ „нравственнымъ величіемъ“ лучшихъ представителей европейскаго просвѣщенія, онъ рѣшительно заявлялъ, что они „могутъ за свои *великіе подвиги* слышать отъ насъ слово *правдиваго уваженія, непомраченнаго ни осужденіемъ, ни упрекомъ*“. Особенно высоко цѣнилъ онъ успѣхи европейскаго просвѣщенія въ области *науки, искусства и матеріальной культуры*. Стремясь за границу „подышать воздухомъ многодвижущейся Европы“, Хомяковъ сознавался, что онъ испытывалъ „*тоску по художеству, по южной природѣ, по красотѣ матеріальнаго просвѣщенія*“ Европы. Особенно восторгался онъ Англіей, въ которой видѣлъ *могучее тѣло, движимое желѣзною волею и великимъ разумомъ*“ Послѣ второго своего путешествія заграницу (1847 г.) онъ написалъ „Письмо объ Англіи“, въ которомъ далъ такую блестящую характеристику этой страны, что даже читавшіе его англичане находили это письмо „подаркомъ для Англіи“. И при всемъ томъ Хомяковъ, какъ мы видѣли, не считалъ европейское просвѣщеніе совершеннымъ. Утверждая, что „западная мысль совершила свой путь вслѣдствіе необходимаго и логическаго развитія своихъ началъ“, онъ доказывалъ, что на Западѣ „основаніемъ всего движенія были *односторонняя разсудочность и раздвоенность просвѣтительнаго начала* и совершенно соотвѣтствующая имъ *раздвоенность общественной стихіи, составленной изъ завоевателей и завоеванныхъ*“. Вотъ почему, не смотря на весь блескъ формъ европейскаго просвѣщенія, односторонность и раздвоенность его началъ, развиваясь послѣдовательно, въ концѣ концовъ, по убѣжденію Хомякова, должны будутъ привести къ печальнымъ результатамъ. А если такъ, то связывать судьбу сравнительно юнаго, еще не испытавшаго своихъ силъ, русскаго народа съ судьбою Западной Европы, Хомякову казалось болѣе чѣмъ рискованнымъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣра въ возможность развитія, основаннаго на другихъ, новыхъ началахъ, становилась совершенно естественной и законной. Но гдѣ же было искать этихъ началъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не замедлилъ явиться. Сущность его Хомяковъ прекрасно выразилъ въ слѣдующемъ, обращенномъ къ Россіи, четверостишіи:

О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси

И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси.

Вотъ къ этому то *духу жизни, глубоко сокрытому въ нѣдрахъ былого,* и обратился Хомяковъ, а за нимъ и всѣ его единомышленники, съ допросомъ о началахъ, на которыхъ должно быть построено русское просвѣщеніе Хомяковъ, конечно, хорошо понималъ, что *духъ жизни, начало жизни*— это не есть какая нибудь грубая реальность, на которую можно было бы, такъ сказать, указать пальцемъ; это есть та неуловимая, въ началѣ всегда нѣмая сила, содержаніе которой при свободномъ, самобытномъ развитіи народа, постепенно раскрывается въ теченіи всего историческаго роста народнаго организма. Эту мысль онъ высказалъ еще въ 1835 году въ стихотвореніи „Ключъ". Поэтъ сначала даетъ образъ ключа, сокрытаго въ глуши, въ древесной тѣни. Широко облегаемый цѣлою пустынею зеленыхъ лѣсовъ, онъ остается въ неизвѣстности и для стадъ и для поселянъ; онъ не боится ни зимнихъ морозовъ, ни лѣтней жары и свободно „льетъ серебристыя слезы неистощимою струею". Вотъ такой же живительный ключъ таится и въ груди русскаго народа:

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ;
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу да Его святымъ.

Въ поискахъ за этимъ *могучимъ ключемъ, льющимъ живыя воды,* но пока *сокрытымъ въ груди русскаго народа,* Хомяковъ придерживался того же научно историческаго метода, какого онъ держался и при критическомъ изслѣдованіи началъ европейскаго просвѣщенія. Если ходъ его мысли въ этомъ послѣднемъ случаѣ разсматривать въ хронологической послѣдовательности, то его можно представить въ такомъ видѣ. Римлянинъ, какъ великій юристъ, созналъ, до мельчайшей подробности опредѣлилъ и точно формулировалъ всѣ стороны человѣческихъ отношеній, такъ что трудно было указать такой слу-

чай, который бы прямо или косвенно не былъ предусмотрѣнъ римскимъ законодательствомъ. Но такое высокое развитіе формально-юридическаго начала въ Римѣ не сопровождалось соотвѣтствующимъ развитіемъ начала нравственнаго: привыкши справляться съ голосомъ формальнаго закона, Римлянинъ отвыкъ справляться съ голосомъ своей совѣсти, и это было въ немъ совершенно естественно, т. е. это естественно вытекало изъ сухой, практической, грубо-утилитарной натуры Римлянина. Будучи, такимъ образомъ, отъ ногъ до головы пропитанъ формально-юридическимъ началомъ, Римлянинъ не могъ по существу понять такого института, какъ Церковь, института, построеннаго всецѣло на началѣ чисто нравственномъ. Свой взглядъ на Церковь Римлянинъ передалъ Германцу, который явился главнымъ двигателемъ новой западно-европейской исторіи. Свою государственно-строительную дѣятельность германцы начали завоеваніемъ, въ интересахъ котораго они должны были соединяться въ военныя дружины. Германская дружина—это союзъ вольныхъ людей, соединенныхъ въ интересахъ взаимныхъ выгодъ на началахъ формальнаго договора. Понятно послѣ этого, почему Германецъ, широко развившій у себя дружинное начало, оказался такимъ даровитымъ ученикомъ Римлянина и почему Церковь на Западѣ, утративъ духъ института чисто нравственнаго, организовалась на началахъ юридическихъ и даже вступила въ борьбу съ государствомъ, какъ съ учрежденіемъ по духу себѣ равнымъ Построившись по духу государства, Церковь должна была выработать и идею главы и государства, какимъ и явился папа. Но наслѣдство, полученное новымъ европейскимъ міромъ отъ стараго Рима, заключалось не въ этомъ только. Какъ въ сферѣ государственно-общественной жизни въ Римѣ формально-юридическое начало было оторвано отъ начала нравственнаго, такъ въ сферѣ познавательной дѣятельности сухой логическій разсудокъ оторванъ былъ отъ остальныхъ силъ духа, и поэтому параллельно съ развитіемъ юридическаго формализма здѣсь шло развитіе раціонализма, который тоже переданъ былъ по наслѣдству новому европейскому міру. Старый римскій раціонализмъ, давшій на новой почвѣ первые всходы въ средне-вѣковой схоластикѣ, расцвѣлъ въ протестантствѣ и далъ свой плодъ въ германской философіи. И вотъ подобно тому, какъ формально-юридическое начало вытравило въ душѣ европейскаго человѣка начало христіанской нравственности, такъ точно начало раціонализма вытравило у него начало вѣры, понимаемой въ смыслѣ живого, активнаго стремленія всѣхъ силъ человѣческаго духа къ соединенію съ выс-

шимъ источникомъ жизни—Богомъ; а въ результатѣ всего этого оказалось то, что европейскій человѣкъ остался безъ христіанской вѣры, безъ христіанской нравственности и безъ христіанскихъ основъ общественной организаціи. Исторія коммунизма, нигилизма и современнаго соціализма съ анархизмомъ на челѣ свидѣтельствуетъ, что искаженное Христіанство не въ силахъ было овладѣть европейскимъ обществомъ, не сумѣло организовать его въ истинно-христіанскомъ духѣ, и западный человѣкъ, утративъ вѣру въ абсолютное начало жизни, сталъ обнаруживать попытку организовать свое общество на началахъ условныхъ, случайныхъ. А такъ какъ душа человѣка, вслѣдствіе благородства ея природы, не можетъ успокоиться на случайномъ и условномъ, то, какъ неизбѣжное слѣдствіе всего сказаннаго, явился пессимизмъ, который, зародившись въ верхнихъ слояхъ культурнаго общества, въ области философіи и литературы, сталъ опускаться все ниже и ниже, захватывая все новые и новые круги общества.

Ясно, что русское просвѣщеніе можетъ быть свободнымъ отъ такихъ печальныхъ результатовъ въ томъ только случаѣ, если лежащіе въ его основаніи начала не страдаютъ вышеуказанною односторонностію. Что же это за начала? Русскій міръ, такъ же какъ и Западный, сложился главнымъ образомъ изъ взаимодѣйствія двухъ стихій: Христіанства, понимаемаго въ духѣ Восточнаго Православія, и славянской народности. Но обѣ эти стихіи, какъ оказывается, оказались именно свободными отъ тѣхъ односторонностей, которыми страдаетъ Западный міръ. Правда, тѣ самыя причины, которыя помѣшали западной половинѣ стараго Рима преобразовать свою общественную жизнь по началамъ Христіанства (устарѣлость омертвѣвшихъ формъ жизни), онѣ же помѣшали и восточной его половинѣ сдѣлать то же: Византіи „не было суждено представить исторіи и міру образецъ (истинно) христіанскаго общества; *но ей было дано великое дѣло уяснить вполнѣ Христіанское ученіе, и она совершила этотъ подвигъ не для себя только, но и для насъ (Русскихъ), для всего человѣчества, для всѣхъ будущихъ вѣковъ*“. Съ истинно художественной, гармонически устроенной душой, съ широкимъ, тонкимъ, истинно-философскимъ умомъ, съ высокимъ развитіемъ личности, свободной отъ юридическаго формализма государственнаго начала, Грекъ имѣлъ полную возможность отнестись къ христіанству широко, всесторонне: любя философію, привыкши легко разбираться въ тонкостяхъ ея анализа и примирять расчлененные и разрозненные элементы въ высшемъ синтезѣ, Грекъ съ

увлеченіемъ отдался уясненію тонкостей христіанской догматики; а его художественной натурѣ не трудно было почувствовать всю прелесть нравственной красоты той высокой основы, на которой построена Церковь, примирившая въ законѣ любви два, казалось бы, непримиримыя начала: свободы и единства. Это свое великое пріобрѣтеніе, бывшее плодомъ высокаго духовнаго подвига, Греки передали Славянскому міру, на челѣ котораго исторія поставила Россію. Эта новая почва оказалась вполнѣ благодатною. Незараженные аристократизмомъ завоевательныхъ народовъ, Славяне не имѣли наклонности къ развитію деспотизма власти и вытекающаго изъ него юридическаго формализма государственности. Занимаясь мирнымъ трудомъ земледѣлія и торговли, они ревниво оберегали святыню семьи, соединяясь въ общины, въ которыхъ единство общихъ интересовъ разумно мирилось съ свободой личности. Не чувствуя исключительнаго влеченія къ разсудочному мудрствованію, они не носили въ себѣ зародыша разъединенія душевныхъ силъ, а слѣдовательно имъ не угрожала опасность развитія односторонняго раціонализма. Такимъ образомъ, при выступленіи на историческую арену Славянскій міръ представлялъ изъ себя нѣчто особенное, существенно отличное отъ міра Германскаго. Въ нѣдрахъ своего духа онъ носилъ своеобразные зародыши, развитіе которыхъ должно было принести и своеобразные плоды. Но въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи онъ не могъ быть предоставленъ самому себѣ. Его дальнѣйшее развитіе должно было опредѣляться, съ одной стороны, вліяніемъ разныхъ внѣшнихъ, болѣе или менѣе случайныхъ историческихъ обстоятельствъ, съ другой стороны, и притомъ главнымъ образомъ,—тѣмъ, къ какому изъ двухъ христіанско-просвѣтительныхъ центровъ онъ примкнетъ, т. е. къ Романскому или Византійскому. Не трудно понять, что Славяне съ своимъ общиннымъ строемъ больше должны были сочувствовать Византійскому Православію, положившему въ основаніе Церкви идею *соборности*, примирившую начала *единства и свободы въ законѣ любви*, чѣмъ Римскому Католицизму, провозгласившему принципъ *абсолютизма папской власти* и принесшему свободу въ жертву внѣшнему, искусственно созданному единству. И дѣйствительно большинство Славянъ, и въ томъ числѣ наша Русь, просвѣщены были Христіанствомъ въ духѣ Восточнаго Православія. Значеніе этого факта въ нашей исторіи понять не трудно. „Участь гражданскаго общества, говоритъ Хомяковъ, зависитъ отъ того, какой духовный законъ признается его членами и какъ высока нравственная область,

изъ которой они черпаютъ уроки для своей жизни въ отношеніи къ праву положительному". Съ принятіемъ Христіанства такимъ высшимъ духовнымъ закономъ для русскаго народа стала *вѣра*, которая для древней Руси была въ то же время *единственнымъ источникомъ просвѣщенія*. То *„основаніе*, говоритъ Хомяковъ, на которомъ воздвигается прочное зданіе Русскаго просвѣщенія—это *Вѣра, Вѣра Православная*... со всею ея животворною и строительною силою, мысленною свободою и терпѣливою любовью". Плодотворность вліянія этого *основанія* на жизнь не замедлила проявиться. „Свѣжая земля, незакованная въ формы уже опредѣлившагося общества политическаго, неиспорченная завоеваніемъ, быть можетъ, по основамъ своей народной жизни и по сравнительной мягкости нравовъ,... она едва озарилась лучемъ истиннаго ученія, какъ уже *стала безконечно выше Византіи*". На сдѣланное кн. Владиміру византійскими епископами предложеніе казнить разбойниковъ, Владиміръ даетъ знаменательный по глубинѣ своего внутренняго смысла отвѣтъ: „боюсь грѣха". Изъ этого видно, что тѣ изъ русскихъ людей, которые сознательно приняли христіанство, лучше византійцевъ поняли, „какъ святъ и обязателенъ законъ правды, какъ неразлучно милосердіе съ понятіемъ о христіанскомъ обществѣ, какъ дорога кровь человѣка предъ Богомъ и какъ она должна быть дорога предъ судомъ человѣческимъ". Но значеніе христіанства не ограничилось воздѣйствіемъ только на одну нравственную сторону народной жизни; оно дало о себѣ знать и въ области жизни политической. Это особенно слѣдуетъ сказать о той роли, какую сыграла Церковь въ дѣлѣ объединенія Русской земли около Москвы. Если принять всю сумму вліянія Церкви въ данномъ случаѣ, то смѣло можно сказать, что „Церковь создала единство Русской земли или дала прочность случайности Олегова дѣла. Церковь возстановила это единство, нарушенное междуусобіями"...

Но отмѣчая свѣтлыя стороны просвѣтительнаго воздѣйствія христіанства на жизнь древне-русскаго общества, не слѣдуетъ его преувеличивать. Много было причинъ, которыя помѣшали древней Руси провести въ жизнь тѣ высокія начала, которыя она приняла вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующіе. Во-первыхъ, „земля Русская въ большей части своего населенія приняла *болѣе обрядъ церковный*, чѣмъ духовную вѣру и разумное исповѣданіе Церкви. Недостатокъ въ проповѣдникахъ слова Божія въ первое время, а въ послѣдствіи недостатокъ въ письменныхъ его памят-

никахъ, которыхъ неисправность и часто грубыя ошибки свидѣтельствуютъ о непониманіи и о весьма слабомъ желаніи ихъ—понять", породили то *тупое невѣжество и совершенное неразумѣніе коренныхъ основъ христіанства*, которыя потомъ проявились въ расколѣ". Но этого мало. *Полнота и цѣльность* просвѣтительнаго начала, полученнаго нами въ Православіи, для своего полнаго свободнаго развитія требовали *цѣльности и гармоническаго единства* всѣхъ общественныхъ силъ. Но эта цѣльность и гармоничность нарушались: а) разрозненностью славянорусскихъ племенъ, частію добровольное, частію насильственное соединеніе которыхъ легло въ основу ядра русской государственности, б) сепаратизмомъ областей въ удѣльный періодъ и в) разъединенностью, какая существовала между княжескою дружиною и земщиною, построенныхъ внутри себя на различныхъ началахъ. Легко понять, что просвѣтительное начало, основанное на законѣ любви, не могло во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ найти благопріятныхъ условій для своего проникновенія въ жизнь общества. Положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшалось вслѣдствіе недостатка въ древней Руси формальнаго развитія и того, что можно назвать „опредѣлительнымъ сознаніемъ", „логическимъ знаніемъ", „логическимъ разсудкомъ". Дѣло въ томъ, что, какъ отдѣльная личность, обращаясь къ своему единичному „я", достигаетъ самосознанія и самоопредѣленія; такъ и цѣлый народъ, эта своего рода коллективная личность, изучая содержаніе своего коллективнаго „я", достигаетъ самосознанія, которое становится основаніемъ для критическаго самонаблюденія, самоисправленія, совершенствованія. Отсутствіе же всего этого „въ развитіи историческомъ отнимаетъ у жизни и убѣжденія ихъ разумную послѣдовательность и крѣпость", ибо лишаетъ жизнь того „внутренняго руководителя", того строгаго и логически сознаннаго" закона, который управляетъ шаткою волею человѣка.

Благодаря всѣмъ этимъ недостаткамъ, даже такой существенно-фактъ нашей исторической жизни, какъ совершенное Москвою объединеніе областей, доставившее торжество *высшему закону* общественной жизни,—даже такой фактъ не могъ совершиться безъ *насилія*, сопровождавшагося ломкою старыхъ обычаевъ и попраніемъ правъ и вольностей городовъ и сословій. И вотъ, „когда всѣ обычаи страны, всѣ права и вольности городовъ и сословій были принесены на жертву для составленія плотнаго тѣла государства; когда люди, охраняемые вещественною властью, стали жить не другъ съ другомъ, а, такъ сказать, другъ подлѣ друга, *язва безнравственности обще-*

ственной распространилась безмѣрно и всѣ худшія страсти человѣка развились на просторѣ: корыстолюбіе въ судахъ, которыхъ имя сдѣлалось притчею въ народѣ, честолюбіе въ боярахъ, которые просились въ аристократію, властолюбіе въ духовенствѣ, которое стремилось поставить новый папскій престолъ" и т. д. Но все это было въ жизни, а не въ лежащемъ въ ея основаніи высокомъ *началѣ*. Бѣда была въ томъ, что, вслѣдствіе печально сложившихся обстоятельствъ, *„въ древней Руси просвѣтительное начало не могло преодолѣть вещественныхъ препонъ, противопоставленныхъ ему разъединеніемъ, и мысленныхъ преградъ, противопоставленныхъ невѣжествомъ*

Ко всѣмъ этимъ недостаткамъ присоединился еще одинъ: это ненормальное отношеніе въ древней Руси національной стихіи къ стихіямъ иноземнымъ. Сначала *„стихія народная не враждовала съ общечеловѣческимъ даже тогда, когда общечеловѣческое приходило къ намъ съ клеймомъ иноземнаго"*. Но потомъ положеніе дѣлъ стало измѣняться. „Кажется, говоритъ Хомяковъ, подозрительность и вражда къ Западной мысли стали проявляться съ нѣкоторою силою послѣ Флорентійскаго собора и Латинскаго насилія въ русскихъ областяхъ, тогда подвластныхъ Польшѣ. Развились онѣ вполнѣ вслѣдствіе безумной и глубокой ненависти къ Русскимъ людямъ, доказанной Швеціей и купечествомъ и баронствомъ при-Балтійскимъ; болѣе же всего вслѣдствіе вражды и лукавства Польскихъ магнатовъ и Латинскаго духовенства. Мало по малу народная стихія стала являться исключительною и враждебною ко всему иноземному .. *Область духа человѣческаго была стѣснена:* но такое стѣсненіе, *противное какъ истинѣ человѣческой, такъ требованіямъ духа Русскаго и кореннымъ основамъ его внутренней жизни*, должно было произвести сопротивленіе, доходящее до противоположной крайности". Сопротивленіе это, ставшее проявляться довольно рано, наконецъ нашло себѣ предствителя, который далъ ему полный перевѣсъ и быструю побѣду. „Этотъ представитель, одинъ изъ могущественнѣйшихъ умовъ и едва ли не сильнѣйшая воля, какія представляетъ намъ лѣтопись, былъ Петръ". „По какому-то странному инстинкту души высокой, обнявъ однимъ взглядомъ всѣ болѣзни отечества, постигнувъ все прекрасное и святое значеніе слова: государство, онъ *ударилъ по Россіи, какъ страшная, но благодѣтельная гроза.* Ударъ по сословію судей-воровъ, ударъ по боярамъ, думающимъ о родахъ своихъ и забывающимъ родину; ударъ по монахамъ, ищущимъ душе-спасенія въ келіяхъ и поборовъ по городамъ, а забывающимъ Церковь и человѣчество, и братство христіанское. За кого изъ нихъ заступится исторія?

„Много ошибокъ помрачаютъ славу преобразователя Россіи, но ему остается честь *пробужденія ея къ силѣ и къ сознанію силы.* Средства, имъ употребленныя, были грубыя и вещественныя· но не забудемъ, что силы духовныя принадлежатъ народу и Церкви, а не правительству: правительству же предоставлено только пробуждать или убивать ихъ дѣятельность какимъ-то насиліемъ, болѣе или менѣе суровымъ Но грустно подумать, что тотъ, кто такъ живо и сильно понялъ смыслъ государства, кто поработилъ вполнѣ ему свою личность, такъ же какъ и личность всѣхъ подданныхъ, не вспомнилъ въ то же время, что тамъ только сила, гдѣ любовь, а любовь только тамъ, гдѣ личная свобода".

Впрочемъ, не нужно забывать, что Петръ боролся „съ цѣлою нѣсколько *закоснѣлою* жизнію, и онъ боролся съ нею во всѣхъ ея направленіяхъ. Онъ вводилъ всѣ формы Запада, всѣ даже самыя неразумныя, онъ искажалъ многое, чего бы не долженъ былъ касаться: онъ искажалъ прекрасный языкъ Русскій, онъ искажалъ самое благородное свое имя, коверкая его въ Голландскую форму Питеръ; *но ему это было необходимо: онъ хотѣлъ потрясти вѣковой сонъ, онъ хотѣлъ пробудить спящую Русскую мысль посредствомъ болѣзненнаго потрясенія*". Здѣсь причина той неразборчивости, которую онъ проявилъ при выборѣ средствъ. „Человѣкъ боролся и въ борьбѣ разгорѣлись страсти, и онъ увлекся тѣмъ нетерпѣніемъ, которое такъ естественно историческимъ дѣятелямъ, которое такъ естественно всякому человѣку при встрѣчѣ съ препонами въ подвигѣ, который онъ считалъ добрымъ". Вотъ почему, „какъ бы строго ни судила его будущая исторія (и безспорно, много тяжелыхъ обвиненій падаетъ на его память), она признаетъ, что *направленіе, котораго онъ былъ представителемъ, не было совершенно неправымъ;* оно сдѣлалось неправымъ въ своемъ торжествѣ. Нечего говорить, что всѣ Котошихины, Хворостинины и Салтыковы бросились съ жадностью по слѣдамъ Петра, рады-радехоньки тому, что освободились отъ тяжелыхъ требованій и нравственныхъ законовъ духа народнаго, что они могли, такъ сказать, расплясаться въ русскій постъ. Та доля правды, которая заключалась въ торжествующемъ протестѣ Петра, увлекла многихъ и лучшихъ; окончательно же соблазнъ житейскій увлекъ всѣхъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе историческихъ случайностей, совершился въ Россіи тотъ *разрывъ*, который уничтожилъ органическую связь культурнаго слоя нашего общества съ народомъ.

Анализъ состоянія русскаго общества въ послѣ-Петров-

ское время и отношенія его ко всему иноземному принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ страницъ въ сочиненіяхъ Хомякова. Въ своихъ нападкахъ на слѣпую подражательность нашего общества онъ выходилъ изъ той мысли, что „*истинное просвѣщеніе есть разумное просвѣтленіе всего духовнаго состава въ человѣкѣ или народѣ*“; „*разумное просвѣщеніе духа человѣческаго*, говоритъ Хомяковъ, *есть тотъ живой корень, изъ котораго развиваются и наукообразное знаніе, и такъ называемая цивилизація или образованность; оно есть самая жизнь духа въ ея лучшихъ и возвышеннѣйшихъ стремленіяхъ*“. Выходя изъ этого положенія, онъ утверждалъ, что одинъ народъ можетъ и долженъ учиться у другого народа, но не путемъ механическаго подражанія, а *путемъ воспріятія иноземнаго въ жизненное единство своей народности;* ибо ученіе не есть подражаніе: оно есть „*пробужденное самомышленіе*“. Знаніе, выработанное другою народностью, принятое въ жизненное единство своей народности, „принесетъ *богатые и новые плоды въ художествѣ, въ наукѣ и въ бытѣ*; но эти плоды должны быть результатомъ творческой самодѣятельности народнаго духа, самобытно перерабатывающаго воспринятое извнѣ. Отсюда Хомяковъ выводилъ правило, обязательное для Русскаго человѣка: Русскому человѣку, если онъ не хочетъ оставаться въ своей узкой замкнутости и національной ограниченности, необходимо *воспринять весь міръ европейской мысли;* но въ то же время „ему необходимо оторваться отъ него, чтобы *достигнуть творчества и сдѣлаться дѣятелемъ свободнымъ*“. „Общество, убѣдившееся въ своей умственной слабости и въ томъ, что ему предстоитъ въ жизни одинъ только трудъ—перенимать то, что выдумано другими, болѣе разумными обществами, отвыкаетъ отъ мысленнаго напряженія и не скоро возвращается къ благородной, но нѣсколько утомительной работѣ мысли. ‚*Думать, думать!*“—вотъ что нужно напоминать нашему обществу, выработавшему сладкую привычку къ бездумному пользованію чужимъ трудомъ; ибо только путемъ напряженія собственной мысли можно пріобрѣсть ту *свободу*, безъ которой творческая самодѣятельность въ области умственной жизни невозможна.

То, что сказано относительно творческаго развитія мысли, съ одинаковымъ правомъ относится и къ области практическаго примѣненія ея въ сферѣ *народнаго быта*, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ слова. Тонкія, невидимыя струны, связывающія душу Русскаго человѣка съ его землею и народомъ, не подлежатъ разсудочному анализу. Можетъ быть, напримѣръ,

нельзя доказать, чтобы Русская пѣсня была лучше итальянской баркароллы или тарантеллы; но она иначе отзывается въ Русскомъ ухѣ, глубже потрясаетъ Русское сердце. Точно также для Русскаго глаза особенно пріятны образы, окружавшіе его дѣтство и встрѣчавшіе его взглядъ на свободѣ сельскаго простора Вотъ почему, „*нападеніе на Русское платье есть нападеніе на свободу вкуса и чувства, нисколько непосягающаго на чужой вкусъ и чужое чувство*; оно будетъ разумно только тогда, когда будетъ доказано, что фракъ, напримѣръ, разумнѣе или удобнѣе зипуна, или когда художники произнесутъ приговоръ о сравнительномъ изяществѣ нарядовъ. До тѣхъ поръ отверженіе одежды только потому, что она русская одежда, должно казаться нѣсколько страннымъ, чтобы не сказать—нѣсколько оскорбительнымъ".

Итакъ, что же дѣлать Русскому человѣку въ настоящемъ его состояніи? Прежде всего отказаться отъ *слѣпой подражательности* и съ *критическою разборчивостью* относиться къ плодамъ иноземнаго просвѣщенія, иноземной культуры. Но при этомъ необходимо помнить, что „стремленіе, отрицающее подражательность нашей образованности, *не есть стремленіе къ мертвому и темному невѣжеству*, но къ наукѣ живой, къ внутреннему освобожденію ея отъ ложныхъ системъ и ложныхъ данныхъ и къ соединенію ея съ жизнію, т. е. къ созданію просвѣщенія". Освободившись отъ болѣзни подражанія, Русскіе люди вмѣстѣ съ тѣмъ должны возвратиться на путь здраваго *самобытнаго развитія*. Но при этомъ опять таки необходимо выкинуть изъ головы ту нелѣпую мысль, что люди, проповѣдующіе самобытность, мечтаютъ будто бы о „возвращеніи къ старинѣ". „Одно дѣло совѣтовать, чтобы корней не отрубать отъ дерева и чтобы залѣчить неосторожно сдѣланные нарубы, и другое дѣло оставить только корни и, такъ сказать, снова вколотить дерево въ землю". Въ эпоху нашей рабской подражательности мы сбились съ нашей исторической дороги. А „если съ дороги сбились, первая задача—воротиться на дорогу". Но что значитъ воротиться на дорогу и какъ это сдѣлать? *Воскресить въ сердцѣ былое и допросить глубоко сокрытаго въ немъ духа жизни*... А этого можно достигнуть только путемъ возстановленія порванной связи съ народомъ. Но возстановить связь съ народомъ это не значитъ опуститься до его умственнаго невѣжества, до его нравственнаго огрубѣнія. Такое требованіе нелѣпо уже по тому одному, что оно неосуществимо. Но въ то же время возстановленіе связи съ народомъ нельзя понимать и въ смыслѣ воспитанія народа въ

духѣ просвѣщенія нашего образованнаго общества. Допущеніе такого пониманія невозможно потому, что, при постояномъ измѣненіи убѣжденій нашего общества, трудно было бы рѣшить, въ какихъ именно идеяхъ слѣдуетъ воспитывать народъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли наше общество воспитывать народъ, „когда оно само, лишенное всякаго внутренняго убѣжденія, мѣняло и мѣняетъ свое собственное воспитаніе, и когда едвали не всякое десятилѣтіе могло бы благодарить Бога, что десятилѣтію протекшему не удалось никого воспитать". Возстановить связь съ народомъ или что то же: *„принадлежать народу, значитъ съ полною и разумною волею сознавать и любить нравственный и духовный законъ, проявившійся* (хоть разумѣется не сполна) *въ его историческомъ развитіи"*. Именно—*законъ*, а не форму, ибо форма есть лишь внѣшнее проявленіе закона; хотя вслѣдствіе тѣсной связи между закономъ и формою и послѣднею пренебрегать нельзя Нужно только помнить, что законъ вѣченъ, а форма можетъ исторически измѣняться. О какомъ именно законѣ здѣсь идетъ рѣчь, мы уже знаемъ: это христіанскій законъ *любви*, гармонически примирившій въ *Православіи* начала *свободы и единства*.

Чтобы отчетливѣе уяснить себѣ эту точку зрѣнія Хомякова, необходимо помнить, что въ человѣческомъ прогрессѣ онъ различалъ то, безъ чего человѣкъ въ крайнемъ случаѣ можетъ обойтись, отъ того, что для него безусловно необходимо при всѣхъ условіяхъ жизни, на всѣхъ ступеняхъ развитія. Такимъ безусловно необходимымъ онъ признавалъ *нравственное воспитаніе человѣка въ духѣ христіанской любви*. Онъ былъ убѣжденъ, что не будучи ни философомъ, ни астрономомъ, ни заводчикомъ, ни фабрикантомъ, въ то же время можно быть истиннымъ человѣкомъ, т. е. существомъ разумно-нравственнымъ, хотя, какъ мы уже знаемъ, онъ высоко цѣнилъ успѣхи и матеріальной культуры. Согласно съ основнымъ своимъ взглядомъ на просвѣщеніе, онъ признавалъ, что —какъ выразился въ одномъ мѣстѣ И. С. Аксаковъ—*дѣйствительная сила, дѣйствительное значеніе принадлежитъ въ исторіи только нравственнымъ истинамъ, вѣчнымъ началамъ любви и справедливости"*. Съ этой точки зрѣнія легко понять, почему онъ такъ оттѣнялъ недостатокъ *цѣльности* и *единства* въ древне-русскомъ обществѣ: гдѣ нѣтъ единства, тамъ господствуетъ рознь; а гдѣ рознь, тамъ нѣтъ любви, а слѣдовательно нѣтъ и истинно-христіанской жизни. Понятно также, почему Хомяковъ и его единомышленники съ такою силою выдвигали *смиреніе*, какъ основную черту нашего на-

роднаго характера: смиреніе есть корень истиннаго альтруизма а слѣдовательно и прекрасное условіе для насажденія христіанской любви. Вотъ тѣ истинные мотивы, подъ вліяніемъ которыхъ изъ подъ его пера вылились слѣдующія, обращенныя къ *Россіи*, строки:

Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!
И вотъ за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду и безкровный судъ.
Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начала славы и чудесъ!
О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему—и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей.
И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный,
Прозрачный Вышняго покровъ.

Вопросъ о *самобытности* тѣсно связанъ съ вопросомъ о *народности*. Проповѣдь о самобытности въ русскомъ народномъ духѣ для многихъ тогда, какъ и теперь, казалась отрицаніемъ *общечеловѣческаго* элемента въ человѣческомъ прогрессѣ, причемъ обыкновенно „общечеловѣческое“, въ ихъ сознаніи, отождествлялось съ „общеевропейскимъ“. Разоблачая

это недоразумѣніе, Хомяковъ доказывалъ, что общечеловѣческое „нигдѣ не является въ *отвлеченномъ* видѣ“, что „*вездѣ все живо, все народно*‘, что народность это есть лишь живая конкретная форма, въ которой воплощаются общечеловѣческія начала. „*Общечеловѣческое дѣло*, утверждалъ онъ, *раздѣлено не по лицамъ, а народамъ:* каждому своя заслуга передъ всѣми, и частный человѣкъ только разрабатываетъ свою дѣлянку въ великой долѣ своего народа“. Вотъ почему „*служеніе народности есть въ высшей степени служеніе дѣлу общечеловѣческому*“. Какъ ‚*разумное развитіе отдѣльнаго человѣка есть возведеніе его въ общечеловѣческое достоинство, согласно съ тѣми достоинствами, которыми его отличила природа*“, такъ „*разумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія*“. Отсюда понятно, что „*служеніе народности есть въ высшей степени служеніе дѣлу общечеловѣческому*“. Конечно, есть области, въ которыхъ нѣтъ мѣста для проявленія національнаго элемента: такова, напримѣръ, область чистой науки съ ея точными, твердо установившимися методами. Хомяковъ этого не забывалъ и вообще онъ съ замѣчательною тонкостью устанавливалъ границы между національнымъ и общечеловѣческимъ. Поводомъ къ этому служили первые проблески нашей самобытности въ области художественнаго творчества, особенно въ области литературы, музыки и живописи. Особенно горячо привѣтствовалъ онъ и блестяще комментировалъ произведенія Гоголя, Глинки и Иванова. Оперѣ Глинки „Жизнь за Царя“ и картинѣ Иванова „Первое явленіе Мессіи народу“ онъ посвятилъ цѣлые трактаты, въ которыхъ съ свойственнымъ ему художественнымъ чутьемъ и глубиною анализа уясняетъ мысль о томъ, какъ самая высокая общечеловѣческая идея можетъ воплощаться въ національную форму.

Отмѣчая высокое значеніе въ исторіи національнаго элемента, утверждая, что общечеловѣческое дѣло раздѣлено не по лицамъ, а по народамъ, доказывая, что западно-европейское просвѣщеніе есть просвѣщеніе тоже строго національное, онъ развивалъ ту мысль, что и на долю Русскаго народа въ исторіи выпала своя особая „дѣлянка“, работая надъ которою, онъ сослужитъ великую службу дѣлу человѣческаго прогресса. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, особенности душевнаго строя Русскаго народа, съ другой стороны,—характеръ начала, положеннаго въ основу его просвѣщенія, Хомяковъ историческое призваніе Русскаго народа видѣлъ въ рѣшеніи

тѣхъ соціальныхъ проблеммъ, надъ которыми такъ долго, но такъ безплодно мучится западно-европейскій міръ. Если высказанныя имъ по этому вопросу мысли обобщить и привести въ систему, то сущность его взгляда можно будетъ выразить такъ. Двигателемъ *западнаго просвѣщенія* и тѣсно связанной съ нимъ матеріальной культуры является личность, удовлетвореніе *утилитарно-эгоистическимъ* потребностямъ которой ставится конечною задачею стремленій человѣка. Средствомъ для этого признается *борьба*, возведенная на западѣ въ *законъ жизни*, орудіемъ—*наука*, открывающая законы жизни и заставляющая все служить интересамъ человѣка. Сущность предполагаемаго *восточнаго просвѣщенія*, неотвергающаго положительнаго значенія перваго, заключается въ томъ, чтобы, овладѣвъ законами человѣческаго духа, *положить предѣлъ развитію личнаго эгоизма и построить жизнь по закону любви.* Двигающую силу этого просвѣщенія составляетъ не борьба человѣка съ человѣкомъ, а *любовь человѣка къ человѣку.* Средствомъ для этого признается *религіозно-нравственное воспитаніе человѣка*, имѣющее конечною цѣлью *искорененіе въ душѣ началъ эгоистическихъ и замѣну ихъ началами альтруистическими.* Приводя основной принципъ европейскаго просвѣщенія (борьбы за существованіе) до конца, идеально совершеннымъ человѣкомъ мы должны будемъ признать того, кто, выражаясь образно, при самой меньшей затратѣ силъ и средствъ, лучше сумѣетъ задавить другого человѣка и на его несчастьи построить свое счастье; проводя съ такою же послѣдовательностью до конца принципъ желаннаго русскаго просвѣщенія, идеально совершеннымъ человѣкомъ мы должны будемъ признать того, кто, подавивъ въ себѣ всѣ эгоистическіе инстинкты, почувствуетъ въ душѣ потребность *свое счастье основать на счастьи ближняго.* И тамъ, и здѣсь человѣкъ стремится къ одной и той же цѣли, именно—къ достиженію блага. Но взглядъ на сущность блага и на пути, которыми оно достигается, тамъ и здѣсь радикально противоположны. Съ западной точки зрѣнія сущность блага заключается въ томъ, чтобы овладѣть другимъ человѣкомъ и *заставить его служить своимъ интересамъ*; сущность блага, съ точки зрѣнія русскаго просвѣщенія, заключается въ томъ, чтобы *добровольно заставить себя служить другому человѣку и испытывать отъ этого всю прелесть, всю красоту личнаго счастья.* Сообразно съ этимъ, живымъ идеаломъ для представителя истинно-русскаго просвѣщенія является Тотъ, Кто, будучи Богомъ, т. е., имѣя всю силу для того, чтобы заставить все Себѣ служить, все предъ

Собою преклоняться, ради блага человѣка, уничижилъ Себя паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, принялъ зракъ раба и наконецъ смирилъ себя до позорной крестной смерти. И сдѣлалъ онъ это потому, что Самъ былъ Сыномъ Того, Кто такъ возлюбилъ міръ, что ради его блага не пожалѣлъ Своего единороднаго Сына. Потому-то и Сынъ, поставивъ основнымъ пунктомъ Своего ученія заповѣдь *о любви*, открылъ міру, что на этой заповѣди утверждается *весь законъ и пророки*, т. е. что она есть основа и нашихъ теоретическихъ воззрѣній и нашей практической жизни. Словомъ *любовь*, какъ начало всякой активности въ Богѣ и всякой гармоніи въ мірѣ, есть тотъ высочайшій принципъ, который долженъ быть положенъ въ основу и нашей метафизики, и нашей догматики, и нашей частной и общественной жизни.

Таковъ тотъ высшій идеалъ, во имя котораго Хомяковъ требовалъ для Русскаго народа права на самобытность историческаго развитія. Идеалъ этотъ онъ считалъ не только русскимъ, но и *обще-славянскимъ* идеаломъ. Здѣсь корень и его любви къ славянамъ, и его проповѣди о возрожденіи и духовномъ объединеніи всего Славянскаго міра. Находя, что „безумны тѣ изъ нашихъ братій (Славянъ), которые ищутъ сочувствія внѣ насъ“, онъ, въ письмѣ къ извѣстному ученому Ганкѣ, доказывалъ, что у Славянъ есть *свои вопросы*, съ которыми *срослась ихъ жизнь* и къ которымъ Европа обнаруживаетъ совершенное равнодушіе, и это конечно происходитъ отъ того, что Славяне представляютъ изъ себя свой особый культурно-историческій типъ, проникнутый особымъ духовнымъ началомъ. Выразителемъ этого начала является *Православная вѣра*, потому что, по убѣжденію Хомякова, „ни Протестантство, ни Романизмъ не отвѣчаютъ ни требованіямъ времени, *ни глубокимъ требованіямъ славянской души*“. Итакъ, оставаясь политически независимыми, Славяне должны укрѣпиться и объединиться Православною вѣрою, которая и должна лечь въ основу ихъ духовнаго единенія. Опасаясь, чтобы и другія славянскія народности не ударились, подобно намъ Русскимъ, въ слѣпую подражательность, онъ счелъ нужнымъ предостеречь ихъ въ особомъ *Посланіи къ Сербамъ*. Основная мысль этого посланія такова. Сербы, какъ и всѣ славяне, пользуясь плодами европейскаго просвѣщенія, должны самобытно развиваться на началахъ *Славянской общины* и *Православія*, составляющихъ единственную разумную основу истиннаго братства, которое должно лечь въ основу ихъ государственно-общественнаго строя. Послѣдовательное проведеніе началъ Хри-

стіанства даетъ возможность автору создать цѣлый кодексъ правилъ государственно-общественной и частной морали, въ которой вездѣ духовно-нравственному началу отдается преимущество предъ началомъ формально-юридическимъ. Строй жизни, построенный на началѣ истиннаго братства, здѣсь противополагается строю европейской жизни, построенной на началѣ личности съ ея эгоизмомъ, съ ея влеченіемъ къ внѣшнему формализму, съ духомъ меркантильности, дающимъ торжество началу вещественности надъ началомъ духовности. Но такъ какъ все это могло быть только идеаломъ далекаго будущаго, то Хомяковъ пока напоминалъ Россіи объ ея нравственной обязанности охранять своихъ братьевъ по крови отъ новыхъ ударовъ насилія пока не наступитъ для нихъ лучшая пора. Эта его мысль особенно живо выражена въ его классическомъ въ своемъ родѣ стихотвореніи *Орелъ:*

Высоко ты гнѣздо поставилъ
Славянъ полунощныхъ Орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети; но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись;
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтона вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ...
И ждутъ окованные братья—
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой?
О, вспомни ихъ, Орелъ Полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!

Ихъ часъ придетъ: окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подростутъ,
Вскричатъ Орлы,—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

Хомяковъ глубоко вѣрилъ въ истинность и святость проповѣдываемаго имъ идеала и въ торжество того направленія, которому онъ такъ искренно, такъ горячо служилъ и словомъ и дѣломъ. Тѣмъ не менѣе, зная малую подготовленность и полное равнодушіе общества, онъ былъ убѣжденъ, что торжество это скоро наступить не можетъ. Вотъ почему, стараясь объединить своихъ единомышленниковъ и послѣдователей въ прочный союзъ, онъ постоянно поддерживалъ въ нихъ бодрость духа, терпѣніе и вѣру въ лучшее будущее. Лучшимъ памятникомъ его работы въ этомъ направленіи является прекрасное стихотвореніе *Труженикъ*:

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою ..
Я утомленъ, я утомленъ!

Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ,
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю.

Стереть бы потъ дневного зноя,
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!..
„Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди.
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога.
Господь велитъ: иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты.

Сгибайся жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!“—
Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ;
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

Иду свершать въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.
Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

Хомяковъ дѣйствительно не бросилъ своего плуга и не отошелъ отъ него буквально до самой смерти, постигшей его 23 сентября 1860 года. Смерть застала его надъ *вторымъ философскимъ письмомъ* къ Ю. Ѳ. Самарину. Острый припадокъ болѣзни (холеры) наступилъ такъ неожиданно и сразу проявился съ такою силою, что, не смотря на всю силу воли этого необыкновеннаго человѣка, онъ оказался не въ состояніи окончить начатую точку: перо остановилось на предлогѣ „въ“.

В. Завитневичъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Вышла и разослана подписчикамъ апрѣльская книжка научно-литературнаго и общественнаго журнала

„Мирный Трудъ“

ГОДЪ ВТОРОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: „Мѣсто Алексѣя Степановича Хомякова въ исторіи русскаго народнаго самосознанія“ **проф. В. Завитневича** „О поэзіи Ѳ. И. Тютчева“ **М. М. Бородкина.** „Русскимъ героямъ“, стих. **М. Савинова.** „Мелкая земская единица“ **кн. М. Л. Шаховского.** „Изъ книги бытія“, стих **Ф Пестрякова.** „Французскому народу“, стих. **М. Савинова** „Религіозно-философскія воззрѣнія Ѳ. И. Тютчева“ **І. Филевскаго.** „Ива“, стих. **Ф Пестрякова.** „Жаворонокъ“ **А. Бабецкаго.** „Картинки изъ жизни бывшаго гимназиста“ **М. Кайсарова.** „О необходимости измѣненія принятой системы образованія и воспитанія медиковъ“ д-ра **Е. Дюкова.** „Изъ записной книжки русскаго монархиста“ **Н. Черняева.** *** стихотвореніе **А. Бабецкаго.** „Въ пользу преподаванія элементарнаго курса философіи въ мужскихъ гимназіяхъ“ **Вл. Гобчанскаго.** „Бытовыя картинки“ **П. Оленича-Гнененко.** „Изъ жизни“ **М Павловскаго** *** Стихотвореніе **П. Оленича-Гнененко** „Необходимость преобразованій“ **А. Каута.** „Весеннія грезы“, стих. **П. Оленича-Гнененко.** Дѣятельность Обществъ: Петербургское Русское Собраніе **В. Смѣлкова.** „Кн. Д. П. Голицынъ“ **П. Хорсова.** „Военное обозрѣніе“ **Н Черникова.** **Библіографія:** *А. П. Лебедевъ.* „Взглядъ графа Л. Н. Толстого на историческую жизнь Церкви Божіей“ **проф. І. Бродовича.** *Н. Н. Картовъ.* Штрихи и блики. **М. С** Объявленія

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ съ пересылкой **6** р., на полгода **3** р.
Отдѣльная книжка **1** р. съ пересылкой.

Подписка принимается въ редакціи журнала (Харьковъ, Дѣвичья, № 14) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель проф *А. Вязигинъ.*

ГОДЪ ВТОРОЙ 1904 г. „МИРНЫЙ ТРУДЪ“ ГОДЪ ВТОРОЙ 1904 г.
(повременное научно-литературное и общественное изданіе)

выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ Іюля и Августа) ежемѣсячными выпусками не менѣе 100 листовъ въ годъ

Признавая мирный трудъ единственнымъ средствомъ для осуществленія столь необходимыхъ общественныхъ преобразованій, редакція ставитъ своей задачею посильное содѣйствіе пробужденію чуждаго всякой нетерпимости, *русскаго національнаго самосознанія*, усиленію *культурнаго общенія со славянствомъ*, изученію *созидательной* работы Запада и росту *общественной самостоятельности*, оцѣнивающей свое и чужое, независимо отъ партійныхъ соображеній и указокъ.

Въ журналѣ принимаетъ постоянное участіе рядъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія, 2) Беллетристическія новости. 3) Литературная критика, 4) Искусство, театръ и музыка, 5) Вопросы воспитанія и обученія, 6) Внутреннее обозрѣніе 7) Политическая лѣтопись, 8) Статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, 9) Обозрѣніе научныхъ журналовъ, 10) Дѣятельность ученыхъ обществъ, 11) Научныя мелочи, 12) Критическій разборъ научныхъ изслѣдованій, 13) Библіографія, 14) Объявленія.

Постоянно сообщаются свѣдѣнія о дѣятельности Русскаго Собранія и его Отдѣловъ, усматривающихъ въ сознательномъ служеніи творческимъ началамъ Православія, Самодержавія и Народности основу благоденствія и развитія Россіи, залогъ избавленія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ 5 руб. въ годъ, для иногородныхъ съ пересылкой 6 руб. на полгода 3 р. Отдѣльная книжка 1 р. съ пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, удерживающихъ за коммиссію и пересылку денегъ **по 30 коп** съ годового экземпляра, и въ редакціи журнала (Дѣвичья, № 14 Харьковъ)

Учебными Комитетами Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Финансовъ „Мирный Трудъ“ допущенъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній обоихъ вѣдомствъ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

20 рублей за полную страницу, 10 рублей за половину и 5 руб за четверть страницы.

Въ редакціи продаются книжки „Мирнаго Труда“ за 1902—3 г. (первый годъ изданія) по 5 рублей съ пересылкой за годовой экземпляръ.

Редакторъ-издатель проф. ***А. Вязигинъ.***

19 ИЮН 1959